

ГЕРОИЧЕСКИЕ
БЕЛЛИНИ

Детгиз 1962

государственное
издательство
ДЕТСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

министерства просвещения

р е ф е р

Москва

1962

ГЕРОИЧЕСКИЕ ВЛИЯНИЯ

рисунки
Е. Кубрика

РФ
Г 39

*Составление, редакция текстов,
вводная статья и словарь
старинных и местных слов*
В. И. ЧИЧЕРОВА

*Подстрочные примечания
к тексту былии*
П. Д. УХОВА

героические БЫЛИНЫ

Мы, советские люди, гордимся своей могучей отчизной. Нам бесконечно дорого и близко творимое нами настоящее, мы верим в свое светлое будущее, но для нас дорого и наше прошлое. Прошлое нужно помнить для того, чтобы учиться у него. Без прошлого в настоящем нельзя созидать будущее. Наш великий учитель Владимир Ильич Ленин завещал нам: «Коммунистом стать можно лишь тогда, когда обогатишь свою память знанием всех тех богатств, которые выработало человечество».

Талантливый русский народ еще в далеком прошлом внес в сокровищницу мировой культуры такие богатства, которые возбуждают в нас чувство национальной гордости. Таким богатством, оставленным нам нашими предками, являются и былины — особый вид древних русских народных эпических песен исторического содержания.

Само название «былина» показывает, что это песня о том, что было, что имело место в жизни. Иногда народ называет былины старинами, то есть песнями о старине.

Былины отразили различные стороны кипучей, деятельной и многосторонней жизни нашего народа в прошлом. Многообразны поэтому и темы былин.

Наш народ, народ — созидатель и труженик, часто должен был по вине чужеземцев-захватчиков оставлять свой труд и с оружием в руках отстаивать право на жизнь. Борьба за свободу, честь и независимость занимала большое место в жизни народа. Вот почему народ создал наряду с другими множество былин о патриотических подвигах героев национально-освободительной борьбы. Эти былины называют героическими или богатырскими.

Былины рассказывают о таких событиях, которые происходили в очень далекое от нас время. Они передавались устно от одного поколения к другому. В то время, когда создавался наш эпос, они имели широкое распространение и были известны во всей Руси.

К концу XIX века былины почти повсеместно исчезли и сохранились лишь на севере нашей страны, в селениях, расположенных вокруг Онежского озера, на побережье Белого моря, по рекам Пинеге, Мезени и Печоре. В этих местах были записаны лучшие, наиболее художественные тексты былин. Многие из записанных здесь былин сложены в землях Новгородской Руси, многие зародились в средневековых княжествах Южной Руси (Киевском, Галицко-Волынском), некоторые же созданы в центральных землях — в Ростово-Суздальском, Тверском, Рязанском и других княжествах.

На север они были занесены первыми русскими поселенцами, шедшими из новгородских земель и осваивавшими северные и северо-восточные окраины государства. Благодаря особенностям исторического развития, экономики и культуры русского Севера былины сохранились здесь лучше, чем в других местах.

Записываться былины стали сравнительно поздно. Первым сборником былин были «Древние российские стихотворения», собранные и записанные Кирием Даниловым в середине XVIII века в Западной Сибири (на Урале). Сборник этот был впервые издан в 1804 году и вызвал к себе огромный интерес передовых русских людей. В. Г. Белинский посвятил ему серию восторженных статей. А. С. Пушкин, должно быть, под влиянием былин этого сборника намеревался написать поэму об Илье Муромце (сохранились лишь начальные строки ее).

С первой половины XIX века начинаются усиленные поиски былин в европейской части России. Результатом их явился сборник «Песни,

собранные П. В. Киреевским». Материалы для него поступали от различных собирателей из многих губерний России, в том числе и из центральных — Симбирской, Нижегородской, Рязанской и др.

В середине XIX века любителем народной поэзии П. Н. Рыбниковым, сосланным за «неблагонадежность» в Олонецкую губернию (ныне Карельская АССР), был неожиданно открыт мощный очаг былин в онежских селениях. В центральной России в это время исполнение былин почти прекратилось и записи их были случайными, единичными, а в Заонежье былины пелись в каждой деревне и были известны всем жителям. П. Н. Рыбникову одному удалось записать больше былин, и притом таких, которые ранее вовсе не были известны, чем всем собирателям первой половины XIX века. После «открытия» былин П. Н. Рыбниковым поиски их стали еще более усиленными. Вскоре былины были обнаружены и в других местах севера Европейской части нашей страны.

В этих местах былины сохранились до нашего времени (количество записей их сейчас достигает многих тысяч).

Вместе с записью и изданием былин началось их изучение. Основным вопросом, который больше всего волновал ученых, был вопрос, когда и где сложились былины.

Большинство ученых пришло к заключению, что былины стали складываться еще в древний период нашей истории.

Во времена, предшествовавшие началу (летописной) истории, восточнославянские племена стояли на довольно высокой ступени культуры. Славяне издавна были земледельцами — это было их основным занятием. Помимо этого, они занимались скотоводством, охотой, рыбной ловлей и бортничеством (древняя форма пчеловодства).

Однако представлять восточных славян VII—IX веков только как сельское, земледельческое население нельзя. В Среднем Поднепровье и в северных восточнославянских землях было много городов, с возникновением и развитием которых связано развитие ремесел и торговли. Древний город являлся местом, где разворачивалась деятельность ремесленников, где происходил торг, куда приезжали иноземные купцы. Археологи установили, что с VIII века на всей восточнославянской территории широко распространяется гончарное ремесло. В Сред-

нем и Верхнем Поднепровье развивается железоделательный промысел, а к концу первого тысячелетия нашей эры — и ремесленная обработка цветных металлов, из которых изготавливались разнообразные предметы, в том числе украшения. Ремесло проникает и в другие отрасли: кожевенное дело, ткацкий промысел, обработку кости и проч.

Города на Руси — Киев, Чернигов, Новгород, Смоленск, Туров, Старая Ладога и ряд других — были центрами экономической и культурной жизни народа.

Восточнославянские племена имели тесные торговые связи с важнейшими рынками того времени. Особенно крепки были торговые связи Восточной Европы со странами Средней Азии. На рынке славилась меха дорогих пушных зверей, поставлявшиеся славянами, — бобра, черной лисицы, соболя, горностая.

Культура древней Руси уже в дописьменный период ее была передовой, высокой и многогранной. Складывавшееся восточнославянское государство приобретало все большее и большее экономическое и политическое значение на арене международной жизни. В то же время возрастала и военная сила древней Руси. Военная слава ее была широко известна и вызывала беспокойство даже в такой сильной стране того времени, как Византия.

События, совершавшиеся в жизни восточных славян, не могли не породить стремления рассказать о них. Было сложено много преданий, родилось много легенд, повествующих о жизни и быте славян, о подвигах и деяниях полководцев и воинов древней Руси. Когда была создана русская письменность и появилась литература, многие из преданий были занесены на страницы летописей. В летописных записях дошли до нас воинские сказания о Кожемяке, победившем печенежского великана, об Ольге, отомстившей за смерть мужа и перехитрившей византийского императора, о Святославе, осуществившем блестящие походы, и другие.

Народ признавал историческую роль деятелей создававшегося древнерусского государства. О наиболее выдающихся из них слагались народом легенды и предания. Но подлинным героем эпических произведений русского народа являлась Русь, родина.

Народный героический эпос глубоко патриотичен по своему харак-

теру. Именно поэтому один из его видов — былины сохранились и дожили до наших дней.

Точно указать время сложения отдельных былин или же назвать былинку, сложившуюся первой, невозможно, да и нет нужды. Бесспорно одно: былины — эпические песни, отразившие исторические судьбы древней Руси, — создавались как живой и непосредственный отклик на события государственной, политической жизни русского народа и его ратной борьбы. Как вид народного искусства, в котором выразилось пробуждение и развитие государственного и исторического самосознания народа, былины, по всей видимости, зародились в конце первого тысячелетия.

Расцвет былин, глубоко и ярко отражавших текущие события, приходится на XI—XV века. Позднее, с XVI столетия, преобладающее значение приобретает новый вид эпоса, иначе, чем былины, изображающий события государственной жизни, — народные исторические песни.

Кто же был создателем былин и как они дошли до нашего времени? Все былины были записаны от крестьян. Другим социальным слоям (дворянству, интеллигенции) былины не были известны. Тем не менее буржуазные ученые в конце XIX — начале XX века приписывали создание былин господствующим классам. Искжая образы богатырей, извращая смысл былин, приверженцы этой теории толковали о том, что трудовой народ не способен к творчеству, что он может только портить художественные ценности, созданные в господствующих слоях общества, что в своей культуре и искусстве он не самостоятелен. Эта реакционная теория была направлена к оправданию антинародной политики господствовавших классов, к возвеличению их роли в истории человеческой культуры.

Против этих взглядов еще в 90-х и 900-х годах выступил А. М. Горький, утверждавший, что все материальные и духовные ценности во все времена создавал трудовой народ. Горький следовал за В. И. Лениным в понимании истории общества и человеческой культуры.

В 1934 году в докладе на Первом всесоюзном съезде советских писателей А. М. Горький говорил:

«Я снова обращаю ваше внимание, товарищи, на тот факт, что наиболее глубокие и яркие, художественно совершенные типы героев созданы фольклором, устным творчеством трудового народа. Совершенство таких образов, как Геркулес, Прометей, Микула Селянинович,

Святогор. . . — все это образы, в создании которых гармонически сочетались рация и интуицию, мысль и чувство. Такое сочетание возможно лишь при непосредственном участии создателя в творческой работе действительности, в борьбе за обновление жизни».

Неоспоримая справедливость указания А. М. Горького подтверждается всем художественным поэтическим творчеством народа.

Певцов, исполнителей былин, обычно называют сказителями. Сказители, перенимая былины от своих предшественников, обычно не заучивали наизусть текст былин. Они старались, как они сами говорили, лишь «понять» былин, то есть запомнить ее основные эпизоды, их последовательность, а главное — вникнуть в характер образов. При каждом исполнении сказитель заново пересоздавал (импровизировал) былин. Поэтому былины на один и тот же сюжет у всех сказителей различны.

Былины талантливых сказителей отличаются высоким идейным содержанием и совершенством художественной формы.

Выдающиеся мастера-сказители пользуются у народа всеобщим признанием. Так, в Заснежье в конце XIX века еще живо сохранилась память о знаменитом сказителе XVIII века Илье Елустафьеве.

От Ильи Елустафьева «понял» былины и всемирно известный онежский сказитель Трофим Григорьевич Рябинин. Тексты его былин одни из лучших. Творчеству Рябинина посвящено много книг и статей как русских, так и европейских ученых.

Из женщин-сказительниц всемирную известность получила М. Д. Кривополенова, неграмотная крестьянка из Пинеги. От этой сказительницы записана уникальная былина о Вавиле и скоморохах. Кривополенова исполняла былины с эстрады многих городов страны и своим мастерством покоряла многочисленную аудиторию. О сказительнице писали в газетах и журналах, лучшие художники и скульпторы стремились запечатлеть ее образ в своих произведениях.

Русские былины народ поет, точнее, рассказывает величественным, мерным речитативом. Насколько прекрасны былинные напевы, говорит хотя бы то, что их использовали в своих операх и симфонических произведениях Римский-Корсаков, Мусоргский, Аренский и другие русские композиторы.

Когда сказитель, умело выделяя интонациями главное в повествовании, начинает сказывать былинку, живыми перед слушателями встают образы богатырей.

Торжественно начинается былинный зачин — так называют начальную, вводную часть былин:

Как во стольном было в городе во Киеве,
А у князя у Владимира стольно-киевского
Заводился пированье — почестен пир...

В зачине указывается время и место действия, называются герои, о которых пойдет речь в былинке.

Зачин былин непосредственно переходит к обрисовке героя произведения, чаще всего показывая его необычное поведение или же говоря об особенно сложном и ответственном поручении, которое ему дается. Такое поручение под силу только герою-богатырю, и это дает возможность выявить особую роль народного героя и подчеркнуть значительность его образа. Характеристика героя, таким образом, намечается уже при самой завязке действия, входящей в зачин былины.

На княжеском пиру все богатыри «пособраны». С ними пирует князь стольно-киевский, им он дает «порученьица, службу немалую». Когда же сказитель переходит к рассказу о богатырских подвигах, начинается самая былина.

Медленно и плавно разворачивается в былинке действие. Богатырь седлает своего коня, выводит его на широкий двор, садится на него и едет в дальний и трудный путь-дорогу. «А и скачет он пониже облака ходячего да повыше леса стоячего» — так образно-гиперболично рисуется поездка богатыря.

Гипербола, преувеличение, вообще характерна для былинного стиля. Стремясь подчеркнуть могущество своих героев, народ часто пользовался приемом гиперболы — давал преувеличение в описании, а также преувеличение свойств и качеств богатыря. Основой для гиперболических описаний эпоса является реальная жизнь и представления о качествах человека, о возможностях, открывающихся перед народом, совершающим подвиги, отстаивающим свою свободу и независимость. Богатырю противостоят полчища врагов, наступающих на Русь, — в былинке гиперболично говорится, что врагов черным-черно, что они необозримаемы глазом. Гиперболично описывается сила богатыря, в особенности Ильи Муромца. Гипербола типична и для изобра-

жения врагов Руси — Тугарина Змеевича, Идолища Поганого, Соловья Разбойника и других. Этим достигается условное изображение событий, обобщение множества в одном образе. Так, например, при изображении битвы один богатырь сражается с полчищами врагов (см. былинку «Илья Муромец и Кáлин-царь»); враги, захватившие Киев, представлены одним образом Идолища Поганого, и т. д.

Пользуясь гиперболой, сказители получали возможность отчетливее изобразить народных героев и яснее высказать отношение к врагам родной земли. Самая внешность чужеземного насильника, изображенная гиперболично, сразу же характеризует его и показывает отношение к нему народа. Страшен Тугарин Змеевич. В вышину-то он шесть сажень, во плечах — косая сажень, головище — что пивной котел, а глазища — что пивные чашища. По целой яловой телке Тугарин жрет, по целой чаше в два с половиной ведра вина «охлестывают». Тугарин Змеевич дышит огнем, мечет искры. И это чудовище побеждает богатырь Алеша Попович — есаул с богатырской заставы.

На рубежах русской земли богатырской заставой стоят три главных богатыря: Илья, Добрыня, Алеша. Небольшое число богатырей — всего только три — не должно удивлять. Число «три» раньше имело условное значение множественности. Это число — первое в порядке чисел, которое содержит представление о многократности («один» и «два» сохраняют понятие единичности или простого удвоения). Отсюда становится ясным эпическое значение «трех» и чисел, производных от них: 6, 7 (то есть $6 + 1$), 9, 12 и т. д. При описании богатырской заставы эта «троичность» встречается и в сложной форме, когда на заставе изображаются шесть, семь, девять или двенадцать богатырей. Народ пользуется в былинных сказаниях троекратными повторами для того, чтобы показать многократность действий или длительность проходящего времени. Так, богатырь совершает три поездки богатырские; Илья Муромец трижды вступает в бой с Сокольником; Добрыня Никитич не приезжает с заставы из чистого поля три года и еще три года:

А и день за днем ровно дождь дождит,
А неделя за неделей как река бежит,
А и год-то за годом как порог шумит —
Не видать Добрыни из чиста поля.
А прошло того времечка три года...

Мастера народного творчества этот прием троичности к второстепенным деталям обычно не применяют. Он характерен только для

таких важных моментов былинного повествования, как сражение с врагами, единоборство богатыря, богатырский подвиг, обличение социальной несправедливости, преданность и верность в любви и дружбе.

Прием троичности вместе с другими приемами былинной поэтики придает рассказу былины торжественную плавность.

Мерно льется речь сказителя, и, когда он завершает свою былину о подвигах богатыря, он как бы подводит итог всему спетому им: «На том былинка и покончилась», «Тут Илье и славу поют», «Синему морю на тишину, добрым людям на послушанье». Эти конечные слова былин — как их называют, «исход» — создают ощущение полной завершенности былинного рассказа.

Так поют сказители свои былины и в наши дни на русском Севере — на Онежском озере в Карельской АССР на побережье Белого моря и в некоторых других местах, где до сих пор бытует сказывание былин про древнерусских богатырей.

В былинах, созданных в пору раннего русского Средневековья, отразилась историческая действительность древней Руси, оцененная с точки зрения трудового народа.

Князья и бояре древней Руси были той феодальной аристократией, которая угнетала народные массы и, в своем большинстве преследуя личные интересы, добиваясь личных выгод, вела антигосударственную политику, опустошая в междоусобных войнах родные земли, уничтожая могущество Руси. Еще до нашествия татар нередко князья заключали союзы с врагами — половцами, приводили их в соседние русские княжества и совместно с врагами разоряли их, уничтожали и брали в плен мирное население. Об антигосударственной политике князей гневно писал автор замечательного произведения древнерусской литературы «Слово о полку Игореве». Не случайно он вспоминал могущество Руси во времена Олега — Владимира Святославича и противопоставлял минувшие времена современным.

В условиях междоусобиц и княжеско-боярских предательств положение крестьян и городских социальных низов было особенно тяжелым. Правдивую и страшную картину разорения родной земли рисует «Слово о полку Игореве»: «В княжеских крамолах век человеческий сокращался. Тогда по русской земле редко пахари покрикивали, но

часто вороны граяли, трупы между собою деля, а галки свои речи говорили, собираясь лететь на добычу».

Отражая истинное отношение трудового народа к феодальной аристократии, русские былины никогда не рисуют князей-бояр положительными чертами. С презрением народ называет бояр «толстобрюхими». Былинный князь Владимир стольно-киевский только по имени напоминает нам о великом реформаторе древней Руси; Владимир представлен бессильным, бездейственным правителем, неспособным оказать сопротивление врагу и совершающим жестокую расправу над богатырями (преимущественно над Ильей Муромцем) — стражами и защитниками рубежей родной земли. На эту особенность образа былинного Владимира, обусловленную классовыми противоречиями и борьбой в феодальной Руси, указывал еще В. Г. Белинский. В статье «Древние российские стихотворения» он отмечал, что стольный князь не характеризуется как герой народного эпоса. «Он является в них (былинах. — В. Ч.) внешним героем: сам не действует ни в одной и везде только пирует да похаживает по гриднице светлой, расчесывая кудри. . . Владимир не является в этих поэмах ни лицом действительным, ни характером определенным, а напротив. . . более именем, чем человеком».

Социальная действительность была такова, что народ не мог героем своего эпоса сделать человека, носившего княжеский титул и представлявшего собой феодальную аристократию в целом.

Исторические события, неумолимо последовательно развертывавшиеся на Руси, с течением времени все больше и больше углубляли существовавшие классовые противоречия. Раздельная политика князей, междоусобные распри обессилили Русь.

Ко времени татарского нашествия Русь была раздроблена на удельные княжества; она управлялась князьями, стремившимися к уничтожению друг друга. Отдельные крупные и прогрессивные деятели Руси того времени — такие, как Александр Невский — в начале татарского ига могли только облегчить положение государства, но не были в состоянии, объединив силы и возглавив народные массы, освободить их из-под власти вражеских орд.

Нашествие татар, потрясшее Русь, запечатлено в героических народных былинах; слово «татарин» в былинах не означает принадлежность именно к данному народу, оно является синонимом понятия: «чужеземная нахвальщина» — враг, наступающий на Русь. Грандиозная двухсотлетняя борьба древней Руси с татарами, завершившаяся

разгромом их и уничтожением татарского ига, стала основной темой русского былевого эпоса. Эта борьба отодвинула на второй план другие темы, нередко исторически более раннего времени, или заставила их звучать по-новому, отвечать задачам современности (например, в былинах о Добрыне, созданных в XI—XII веках и рассказывавших первоначально о борьбе с половцами, впоследствии стали вести рассказ о том, как татары пришли на Русь и как богатырь Добрыня освобождает народ от врага). Одновременно было создано множество новых произведений — эпических песен о Руси, противостоящей вражеским насильникам; именно к этому периоду надо отнести оформление цикла былин о главном русском эпическом богатыре — Илье Муромце¹.

На значение борьбы с татарским игом в формировании русского исторического эпоса указывали уже революционные демократы. Н. А. Добролюбов писал: «Тут он (народ. — В. Ч.) начал организовывать разбросанные сказания, перепутал лица, местности и эпохи и целый трехсотлетний период сгруппировал около лица одного Владимира, бывшего ему памятнее других. Любовь к этим песням возбуждалась, конечно, горьким чувством при взгляде на современный порядок вещей. При нашествии народа неведомого ожидания всех обратились, разумеется, к князьям; они, которые так часто водили свой народ на битвы со своими, должны были теперь защищать родную землю от чужих. Но оказалось, что князья истощили свои силы в удельных междоусобицах и вовсе не умели оказать энергичного сопротивления страшным неприятелям. Таким образом, народ был обманут в своих ожиданиях. Он невольно сравнивал нынешние события с преданиями о временах минувших и грустно запел про славных могучих богатырей, окружавших князя Владимира»².

Богатыри выступают на защиту родины и народа. Главный среди них — Илья Муромец. О нем сложено былин больше, чем о ком-либо

¹ Ранняя былина об Илье Муромце «Илья и Соловей Разбойник», судя по имеющимся данным, была создана еще в XI—XII веках. В былине нашла свое отражение характерная для Руси того времени борьба за устройство и внутреннее упорядочение жизни в Русском государстве.

² Н. А. Добролюбов, Полное собрание сочинений в 6 томах под общей редакцией П. И. Лебедева-Полянского. М., 1935, т. I, стр. 215.

другом. Могучий и справедливый, он стоит старшим на заставе богатырской.

Илья — крестьянский сын. Первый подвиг его после чудесного исцеления — подготовка крестьянского поля под пашню. Корчевка пней принадлежала к числу наиболее тяжелых форм старого земледельческого труда: она отнимала у крестьянина много сил и времени. Не мудрено, что былина рассказывает об этом, начиная повествование об Илье. Для русского народа, как исконных земледельцев, источником жизни был мирный труд в поле: подготовка земли под пашню, самая пахота, посев, а осенью — уборка хлеба. «Тяга земная» под силу только трудовому народу. Сумочку с тягой земной несет пахарь Микула Селянинович (см. в нашем сборнике «Святогор и тяга земная»). В образе Микулы народ на заре Русского государства выразил любовь к труду, высказал мечту о радостном, обогащающем труде.

Илья Муромец крестьянскими чертами своими близок Микуле. Илья выкорчевывает поле, которое вспашут его родители-крестьяне; Микула очищает пашню от валунов и пашет ее сохой. С сошкой же крестьянской Микулы Селяниновича (отметим: селянин — значит крестьянин) княжеские дружинники не в силах справиться, не могут ее вынуть из земли.

Тема защиты родины в русском героическом эпосе слита с темой народного труда.

Народ требует от своего героя справедливости и гуманности. Илья перед отъездом на службу Киеву слышит такой наказ от родителей:

Когда будешь ездить по полю чистому,
Не проливай ты напрасно крови человеческой.

Богатырь твердо помнит этот наказ. Он беспощаден к врагу, но беспощаден потому, что враг губит русских людей,

Слезит отцов-матерей,
Вдовит жен молодых,
Сиротает малых детушек.

Стоит застава богатырская и зорко охраняет русскую землю. На заставе «народ-люди» разные: крестьяне, дети боярские, дьяковские, ремесленные, поповские. Лучших своих героев народ осмысливает как выходцев из социальных низов. Не случайно князь Владимир и бояре называют Илью «деревенщиной-засельщиной». Не случайно также княгиня Апраксия, восхищаясь Тугарином Змеевичем, полонив-

шим Киев, с ненавистью ругает деревенщиной победителя Тугарина — Алешу Поповича. В ряде вариантов Добрыня сам говорит, что он «роду крестьянского». Василий Игнатьевич именуется голью кабацкой и пьяницей, но этот представитель голытьбы спасает Киев от разорения, в то время как знатные бояре в страхе прячутся. Конечно, не все богатыри заставы прямо или косвенно связываются с крестьянством или обездоленным посадским людом. Тот же Алеша имеет прозвище: Попович; о нем говорится, что он сын попа ростовского Леонтия. О Гавриле долгополом сказано, что он «рода дьяковского», у него «полы на кафтане долги». Нет определенных указаний на происхождение Сухмана, Михайла Даниловича и других. Но все они преданы родине, все по мере своих сил и возможностей совершают народное дело борьбы с врагом, все руководимы Ильей Муромцем, сыном крестьянина Ивана Тимофеевича из села Карачарова.

Каждый из богатырей русских былин имеет особые, присущие только ему одному черты.

Прямодушен, справедлив старший из всех — Илья Муромец, неспособный ни на какие хитрости и уловки. Илья хорошо знает сильные и слабые стороны подчиненных ему богатырей, знает, кого и на какой подвиг можно послать.

Крестовый брат Ильи, Добрыня Никитич, — богатырь великой силы и смелости. Но не только в боях, а и в забавах богатырских — единоборстве, плаванье, стрельбе из лука в цель, игре в шашки-шахматы и в тавлеи золоченые — искусен Добрыня. Он умеет ловко «с крутой метать» (термин в старорусской борьбе), может нырком переплыть реку. Добрыня обучен и «четью-петью церковному» и славится талантливейшей игрой на гуслях. Когда Добрыня играет на гуселках — выигрывает всех поименно, все на пиру призаслушиваются, все призадумываются, говорят таковы слова:

Нунь такого игрока у нас не было!

Образованный и разносторонне одаренный, Добрыня известен и как искусный дипломат. О нем идет молва: «Добрынюшка вежливый-увежливый, Добрынюшка знает, как речь вести, как себя блюсти».

Иной Алеша Попович. Он не так силен, как Илья и Добрыня. Илья

это отмечает словами: «Алеша силой не силен, да напуском смел». Беспредельная смелость Алеши сочетается в нем с ловкостью, ухваткой, находчивостью, воинской сметкой и сноровкой. Они-то и помогают богатырю уничтожить непобедимого Тугарина Змеевича, пышущего огнем, мечущего искры, летающего на крыльях.

Богатырь Алеша не обладает такими высокими моральными качествами, как Илья и Добрыня. У него бывают легкомысленные поступки, для него характерны и некоторые другие отрицательные черты, и их надо объяснить тем, как народ воспринимал его прозвище Попович. Отрицательное отношение народа к попам отразилось в сказках, песнях, пословицах, загадках; в былинах оно сказалось в том, в частности, что в Алеше народ отметил некоторые отрицательные особенности, характерные для духовенства.

Наравне с Добрыней по силе, пожалуй, можно поставить Сухмана. Это богатырь, гордый своей честностью и правдивостью. Он совершил подвиг, а князь Владимир обвинил его в пустом хвастовстве, во лжи. Добрыня, съездив на поле, где Сухман один побил полчища врагов, подтвердил истину рассказа Сухмана о бое. Владимир готов уже честовать богатыря, но Сухман вынимает листья из полученных им в бою ран и умирает, истекая кровью, — он не хочет более служить князю, подозревавшему богатырей во лжи и не замечающему величия их подвигов.

Ловок и бесстрашен Василий Игнатьевич. В то время как в грозную минуту нашествия татар все бояре попрятались, а князь Владимир расплакался, Василий — «голытьба перекатная» — один идет в стан врагов и хитростью делит вражеские силы на части, уничтожает их. Так же смел малолеток Михайло Данилович — богатырь-подросток. Видя родину в опасности, идет он с молодым задором против врагов. Неопытность и неосторожность едва не губят его, и все же он побеждает врагов и спасает Русь от опасности.

Многогранны образы богатырей русского героического эпоса. Основой для их создания послужили герои нашего прошлого, беззаветно и самоотверженно защищавшие родину. В каждом образе обобщены типические черты патриотов Руси. Наиболее яркое и полное обобщение типа воина русского Средневековья народ дал в образе

Ильи Муромца: он — «устроитель земли русской», очищающий ее от внутренних врагов, обессиливавших государство; он — голос народа, осуждающий предателей князей-бояр, говорящий суровую правду самому князю Владимиру и призывающий лучшие силы к борьбе с врагом; он — страж русской земли, готовый бороться с тысячами тысяч чужеземных насильников. С именем Ильи Муромца соединяется утверждение справедливой борьбы с врагами Руси. Илья почти всегда в походах. Дом его не столько в Киеве, сколько на богатырской заставе. Илья Муромец становится как бы символом упорного сопротивления врагу; в нем выразился национальный характер народа, который никогда не мог быть рабом завоевателей.

Мужественные характеры, люди, полные отваги, воспеты нашими былинами, и мы словно воочию видим этих славных защитников родной земли. Бесстрашие, стойкость духа отмечены народным эпосом как характерная черта русского человека. Горе и беды не могут сломить его. Он побеждает в борьбе, он возрождает жизнь на земле, опустошенной врагами.

Героические былины о богатырях в течение многих столетий звучали призывом защищать родину. Повествуя о былинных боях и победах, народ воспитывал в себе готовность в любую минуту противостоять врагам и отразить их натиск. Песнь, говорящая о далеком прошлом, становилась частью настоящего. Певцы былин подчеркивали, что рассказываемое ими в эпических песнях действительно было, что героические характеры и подвиги испокон веков свойственны русскому народу. Говоря об этом, они заключали былинку словами:

То старина, то и деяние.

✕

Былины, созданные в далеком прошлом, продолжают сохранять огромное значение в духовной жизни нашего народа.

Воплотив в себе величие национального характера народа, они несут лучшие традиции прошлого от одного поколения к другому. «Советский патриотизм, — говорил М. И. Калинин, — берет свои истоки в глубоком прошлом, начиная от народного эпоса; он впитывает в себя все лучшее, созданное народом, и считает величайшей честью беречь все его достижения»¹.

¹ М. И. Калинин, О коммунистическом воспитании и обучении. М., 1948, стр. 64.

По своей художественной силе былины могут быть поставлены в ряд с величайшими шедеврами словесного искусства. О наших былинах можно сказать то же, что сказал К. Маркс о значении древнегреческого эпоса. Они продолжают доставлять нам художественное наслаждение и в известном смысле сохраняют значение нормы и несосягаемого образца.

Большое воздействие оказали былины на нашу литературу. Трудно назвать хоть одного крупного поэта, который бы в той или иной мере не испытал на себе воздействие былевого эпоса. В. А. Жуковский пишет комическую оперу «Алеша Попович». Образ Руслана в поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила» навеян образами русских богатырей. В героических образах повести «Тарас Бульба» Н. В. Гоголь видел представителей «сказочного русского богатырства».

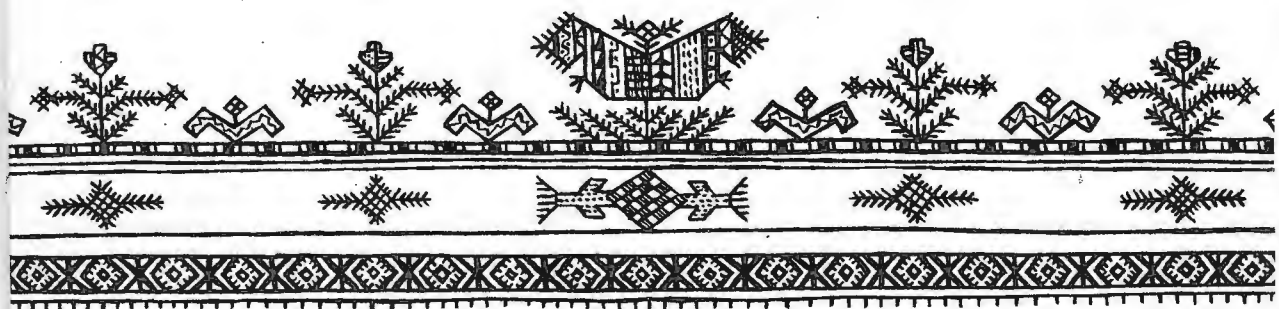
Русские былины оказали влияние не только на нашу литературу, но и на литературу мировую. Так, многие стихотворения из цикла «Эхо русских песен» крупнейшего чешского поэта первой половины XIX века Ф. Челаковского созданы под воздействием русского былинного творчества. Латышский поэт-классик Я. Райнис посвятил самостоятельную поэму главному русскому богатырю Илье Муромцу.

Вдохновляли былины и многих композиторов, художников. Заняли большое место былины и в советском киноискусстве.

Сборник «Героические былины» издается с рисунками художника Е. А. Кибрика. Выдающийся мастер советского изобразительного искусства, Е. А. Кибрик поставил своей задачей создать завершенный цикл иллюстраций к гениальным произведениям русского героического эпоса. В художественном слове народа и в рисунках художника перед читателем проходят картины русской народной жизни, раскрывается эпическое величие богатырей, преданных родине, всегда готовых защитить угнетенных и обездоленных, встать непреодолимой преградой на рубежах родной земли. В единстве текста и рисунка — особенность этой книги.

В. Чичеров

Святогор и тяга земная

Едет богатырь выше леса стоячего, головой упирается под облако ходячее... Поехал Святогор путем-дорогою широкою, и по пути встретился ему прохожий. Припустил богатырь своего добра коня к тому прохожему, никак не может догнать его: поедет во всю рысь — прохожий идет впереди; ступою едет — прохожий идет впереди. Проговорит богатырь таковы слова:

— Ай же ты, прохожий человек, приостановись немножечко, не могу тебя догнать на добром коне!

Приостановился прохожий, снимал с плеч сумочку и клал сумочку на сырú землю. Говорит Святогор-богатырь:

— Что у тебя в сумочке?

— А вот подыми с земли, так увидишь.

Сошел Святогор с добра коня, захватил сумочку рукою — не мог и пошевелить; стал вздывать обеими руками — только дух под сумочку мог пропустить, а сам по колена в землю угрыз. Говорит богатырь таковы слова:

— Что это у тебя в сумочку наложено? Силы мне не занимать стать, а я и здынуть сумочку не могу!

— В сумочке у меня тяга земная.

— Да кто ж ты есть и как тебя именем зовут, величают как по изотчине?

— Я есть Микулушка Селянинович!..

Вольга и Микүла Селянинович

Жогда воссияло солнце красное
На тое ли на небушко на ясное,
Тогда зарождался мóлодой Вольгá,
Мóлодой Вольга Святославович.

Как стал тут Вольга растёт-матерёт,
Похотелся Вольге много мудрости:
Щукой-рыбою ходить ему в глубоких морях,
Птицей соколом летать ему под óболока,
Серым волком рыскать да по чистým полям.
Уходили все рыбы во синие моря,
Улетали все птицы за óболока,
Ускакали все звери за темные леса.

Как стал тут Вольга растёт-матереть,
Собирал себе дружинишку хоробрую:
Тридцать молодцов да без единого,

А сам-то был Вольга во тридцатых.
Собирал себе жеребчиков темно-карих.
Вот посели на добрых коней, поехали,
Поехали к городам да за получкою¹.

Повыехали в раздольице чистое поле,
Услыхали во чистом поле оратая,
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
Омёшики по камешкам почиркивают.

Ехали-то день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Они ехали да ведь и другой день,
Другой день ведь с утра до вечера,
Не могли до оратая доехати.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
Сошка у оратая поскрипливает,
А омёшики по камешкам почиркивают.
Тут ехали они третий день,
А третий день еще до пабедья,
А наехали в чистом поле оратая.
Как орет в поле оратай, посвистывает,
А бороздки он да пометывает,
А пенье-коренье вывертывает,
А большие-то каменья в борозду валит.
У оратая кобыла солёвая,
Гужики у него да шелковые,
Сошка у оратая кленовая,
Омёшики на сошке булатные,
Присошечек у сошки серебряный,
А рогачик-то у сошки красна золота.

А у оратая кудри качаются,
Что не скачен ли жемчуг рассыпаются.

¹ «Поехали к городам да за получкою». — Города и раньше были административными центрами. Вольга едет собирать дань не только с жителей городов, но и с крестьян, находившихся у этих городов.

У оратая глаза да ясна сокола,
А брови у него да чёрна соболя.
У оратая сапожки зелён сафьян:
Вот шилом пяты, носы востры,
Вот под пята-пята воробей пролетит,
Около носа хоть яйцо прокати.
У оратая шляпа пуховая,
А кафтанчик у него да чёрна бархата.

Говорит-то Вольга таковы слова:
— Божья помочь тебе, оратай-оратаюшко!
Орать да пахать, да крестьянствовать,
А бороздки тебе да пометывать,
А пенья-коренья вывертывать,
А большие-то камёнья в борозду валить!

Говорит оратай таковы слова:
— Поди-ко ты, Вольга Святославович!
Мне-ко надобна божья помочь крестьянствовать
А куда ты, Вольга, едешь, куда путь держишь?

Тут проговорил Вольга Святославович:
— Как пожаловал меня да родной дядюшка,
Родной дядюшка да крестный батюшка,
Ласковый Владимир стольно-киевский,
Тремя ли городами со крестьянами:
Первым городом Курцевцем,
Другим городом Ореховцем,
Третьим городом Крестьяновцем.
Теперь еду к городам да за получкою.

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!
Там живут-то мужички да всё разбойнички,
Они подрубят-то сляги калиновы
Да потопят тебя в реке да во Смородине.
Я недавно там был в городе, третьёго дня,
Закупил я соли цело три меха,
Каждый мех-то был ведь по сто пуд.

А тут стали мужички с меня грошей просить,
Я ведь стал-то им грошей делить,
А грошей-то стало мало ставиться,
Мужичков-то ведь больше ставится.
Потом стал-то я их ведь отталкивать,
Стал отталкивать да кулаком грозить.
Положил тут их я ведь до тысячи:
Который стоя стоит, тот сидя сидит,
Который сидя сидит, тот и лежа лежит¹.

Тут прогóворил ведь Вольга Святославович:
— Ай же ты, орáтай-оратáюшко,
Ты поедem-ко со мной во товарищах.

А тут ли орáтай-оратáюшко
Гужики шелкóвые повыстегнул,
Кобылу из сошки повывернул,
Они сели на добрых коней, поехали.

Как хвост-то у ней расстилается,
А гривá-то с нее да завивается. . .
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает,
У оратая кобыла грудью пошла²,
А Вольгин конь да остается.

Говорит оратай таковы слова:
— Я оставил сошку во бороздочке
Не для-ради прохожего-проезжего:
Маломощный-то наедет — взять нечего,
А богатый-то наедет — не позарится, —
А для-ради мужичка да деревенщины.

¹ «Который стоя стоит, тот сидя сидит, который сидя сидит, тот и лежа лежит» — тот, кто стоял, стал сидеть, кто сидел, стал лежать.
² «У оратая кобыла грудью пошла». — Сказитель ошибочно употребил слово «грудь» вместо слова «грунь». Пойти грунью — тихой рысью.

Как бы сошку из земельки повыдернути,
Из омешиков бы земельку повытряхнути
Да бросить сошку за ракитов куст.

Тут ведь Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую,
Пять молодцов да ведь могучиих,
Как бы сошку из земли да повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.

Приезжает дружинушка хоробрая,
Пять молодцов да могучиих,
К той ли ко сошке кленовенькой.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли поднять,
Из омешиков земельку повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.

Тут молодой Вольга Святославович
Посылает он дружинушку хоробрую
Целым он да ведь десяточком.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли выдернуть,
Из омешиков земельку повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.

И тут ведь Вольга Святославович
Посылает всю свою дружинушку хоробрую,
Чтобы сошку из земли повыдернули,
Из омешиков земельку повытряхнули,
Бросили бы сошку за ракитов куст.
Они сошку за обжи вокруг вертят,
А не могут сошки из земли повыдернуть,
Из омешиков земельку повытряхнуть,
Бросить сошку за ракитов куст.

Тут оратай-оратаюшко
На своей ли кобыле соловенькой
Приехал ко сошке кленовенькой.
Он брал-то ведь сошку одной рукой,
Сошку из земли он повыдернул,
Из омешиков земельку повытряхнул,
Бросил сошку за ракитов куст.

А тут сели на добрых коней, поехали.
Как хвост-то у нее расстилается,
А грива-то у нее да завивается.
У оратая кобыла ступью пошла,
А Вольгин конь да ведь поскакивает.
У оратая кобыла грудью пошла,
А Вольгин конь да остается.

Тут Вольга стал да он покрикивать,
Колпаком он стал да ведь помахивать:
— Ты постой-ко ведь, оратай-оратаюшко!
Кабы эта кобыла коньком бы была,
За эту кобылу пятьсот бы дали.

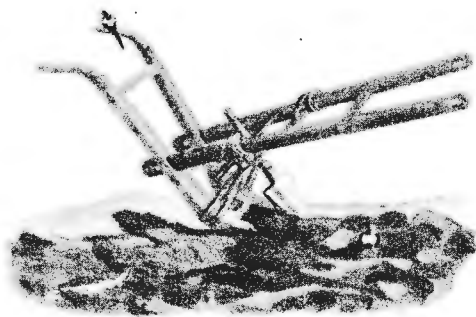
Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же глупый ты, Вольга Святославович!
Я купил эту кобылу жеребёночком,
Жеребёночком да из-под матушки,
Заплатил за кобылу пятьсот рублей.
Кабы эта кобыла коньком бы была,
За эту кобылу цены не было бы.

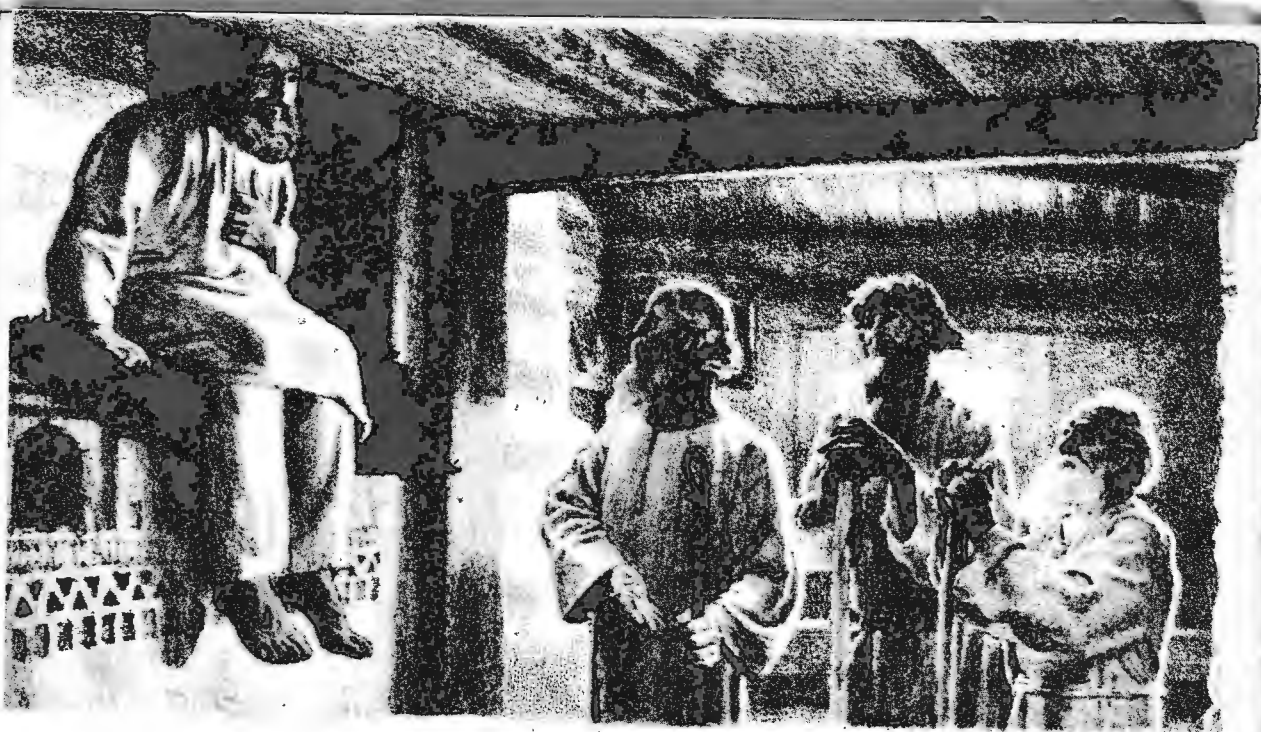
Тут проговорит Вольга Святославович:
— Ай же ты, оратай-оратаюшко,
Как-то тебя да именем зовут,
Называют тебя да по отчеству?

Тут проговорил оратай-оратаюшко:
— Ай же ты, Вольга Святославович!

Я как ржи-то напашу да во скірды сложу,
Я во скирды сложу да домой выволочу¹,
Домой выволочу да дома вымолочу,
А я пива наварю да мужичков напою,
А тут станут мужички меня похваливати:
«Молодой Микула Селянинович!»

¹ «Я во скирды сложу да домой выволочу». — В старину в некоторых областях Руси для перевозки на небольшие расстояния сена и соломы лошадей запрягали в пару срубленных тонких деревьев. На ветви их клался груз, который перевозился волоком. Выволочить — свезти.

Исцеление Ильи Муромца

З во славном во русском царстве,
А во той ли деревне Карачарове,
У честных у славных родителей, у матери
Был спорожен тут сын Илья Иванович,
А по прозванью был славный Муромец.
А не имел Илья во ногах хождения,
А во руках не имел Илья владения;
Тридцать лет его было века долгого¹.

Во тое во летушко во красное
А уходили родная матушка да батюшка
А на ту ли да на работку на тяжелую,
А оставался Илья да одинешенек.

¹ «Тридцать лет его было века долгого» — то есть до тридцати лет Илья был сиднем и не имел «во ногах хождения», а «во руках владения».

А сидит-то Илья да Илья Муромец;
А приходили ко Илье да три старчика:
— А уж ты стань, Илья да Илья Муромец,
А ты напой-ко нас да голоднёшеньких,
А ты накорми-ко нас да сытёшенько!

А й говорил Илья да таковы слова:
— А накормил бы вас да сытёшенько,
А напоил бы вас да пьянёшенько —
А тридцать лет века долгого
А у меня нету в ногах ли хождения,
А во руках у меня нету ли владения.

А говорили ли старцы прохожие:
— А уж ты стань, Илья да Илья Муромец!
А ты стань-ко, напой да накорми нас ты, жаждущих.

А отвечал Илья да таковы слова:
— А уж я рад бы встать на резвы ноги —
А у меня ноги есть, руки есть, —
А у меня ноженьки не владеют ли,
А у меня рученьки да не владеют ли.

А в третьей након говорят ему да старцы ли:
— А уж ты стань, Илья да Илья Муромец!
А во ногах есть хождения,
А во руках есть у тебя владения.
А тут ли стал Илья да на резвы ноги:
А крестил глаза на икону святых отцов:
А слава да слава, слава господу!
А дал господь бог мне хождения,
А дал господь мне в руках владения.

А опустился он во подвалы глубокие
А принес ли он чару полную:
— А вы пейте-ко, старцы прохожие!

А они попили, старцы прохожие:

— А сходи-ко ты, Илья, в погреба славны глубокие,
А принеси-ко ты чарушку полнёшеньку,
А ты выпьешь сам на здравие.

А он принес ли чару полнёшеньку.

— А ты пей-ко ли, Илья, да на здоровьице,
А ты кушай-ко, Илья, для себя ли ты!

А он выпил ли чарушку полную.

А спросили его старцы прохожие:

— А уж что же ты, Ильюша, в себе чувствуешь?

— А я чувствую ли силу великую:

А кабы было колечко во сырой земле,
А повернул бы земелюшку на ребрышко.

А й говорили тут старцы таковы слова:

— А ты поди-ко в погреба славны глубокие,
А налей-ко ты ли чарушку полнёшеньку!

А принес он чару полнёшеньку.

— А уж выпей-ко чару единёшенек!

А уж выпил он чару единёшенек.

— А теперь, Илья, что ты чувствуешь?

— А нунь у меня силушка ли спала ли,

А спала у меня сила в половиночку.

А й говорили старцы прохожие:

— А ведь и живи, Илья, да будешь воином.
А на земле тебе ведь смерть будет не писана,
А во боях тебе ли смерть будет не писана!

А благословили они да Илью Муромца,

А распростились с Ильей да пошли они.

А Илья как стал владеть руками, ножками,
А в избушке ли сидеть ему тоскливо ли —
А он пошел на те поля-луга зеленые,
А где его были родители сердечные.
А пришел он ко славной Непрэ-реке¹:
— Бог вам помощь, родная матушка,
А бог тебе помощь, родной батюшка!

А они да тут удивились,
А они да тут ужаснулись:
— А уж ты, чадо, чадо милое,
А слава, слава да слава господу,
А господь бог тебе дал хожденьице,
А господь тебе дал в руках владеньице!

А он и начал ли дубки подергивать,
А во Непру-реку стал покидывать,
А накидал Непру-реку дубов ли он —
А вода в реке худо побежала.
А говорили тут отец с матушкой:
— Ай же ты, мое чадо милое,
А й господь тебе бог дал силу великую.
А живи как ты да поскромненько.
А не давай ретиву сердцу волюшки.

А пришли ли они во деревеньку,
А говорил ли Илья да отцу-матушке:
— А уж ты, батюшка, да и матушка,
А вы давайте-ко благословеньице,
А вы дайте-ко вы прощеньице
А мне-ко съездить во Киев-град
А ко солнышку ко князю ко Владимиру.

А отец-то и мать его уговаривают:
— А уж ты, чадо, чадо да чадо милое,
А мы только видели света, света белого!
А мы не видели света цела полвека.

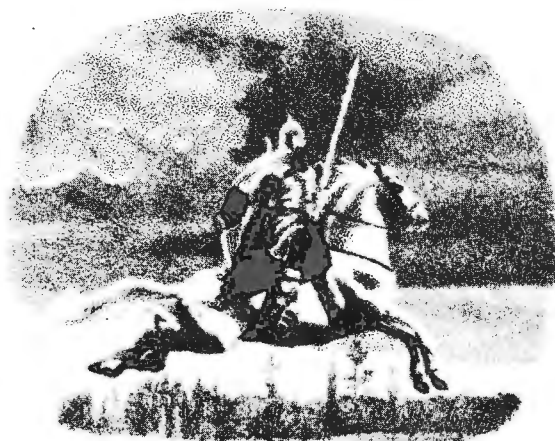
¹ «А пришел он ко славной Непрэ-реке». — Село Карачарово под Муромом (ныне оно входит в черту города) находится на берегу Оки. Сказитель, от которого записана былина, ошибочно назвал ее Непром (Днепром).

А й говорил Илья да таковы слова :
— А уж вы, мои сердечные родители,
А уж дайте мне благословеньце.

Говорила тут родная матушка :
— А уж поедешь ты ли, чадо наше милое,
А ты во славный да ли во Киев-град,
А не кровавь сабли вострой,
А не сироти-ко ты да малых детушек,
А не бесчести-ко ты да молодых жен.

А й выводил он утром ранёшенько
А своего коня-то, коня сизо-бурого,
А на тую ли он обеденку на раннюю :
— А уж ты, Сивушка мой да белогривушка,
А ты катайся-ко на рósке на ранней,
Чтобы шерсть-то у тебя сменялася,
Чтобы силушка в тебе прибавлялася.
И ты служи-ко дóбру мóлодцу
А на чистом поле разъезживать,
А через стеночки городóвые перескакивать!

А тут Ильюшенька да справляется,
А он во путь да отправляется.

Илья Муромец и Соловей Разбойник

Из того ли то из города из Муромѣ,
Из того села да Карачарова
Выезжал удаленький дородный добрый
мóлодец.

Он стоял заутреню во Муроме,
А ѣ к обеденке поспеть хотел он в стольный
Киев-град.

Да ѣ подъехал он ко славному ко городу
к Чернигову.

У того ли города Чернигова
Нагнанó-то силушки черным-черно,
А ѣ черным-чернó, как чёрна вóрона.

Так пехотою никто тут не прохаживат,
На добром коне никто тут не проезживает¹,
Птица чёрный ворон не пролётывает,
Серый зверь да не прорыскиват.
А подъехал как ко силушке великой,
Он как стал-то эту силушку великую,
Стал конём топтать да стал копьём колоть,
А й побил он эту силу всю великую.
Он подъехал-то под славный под Чернигов-град,
Выходили мужички да тут черниговски
И отворяли-то ворота во Чернигов-град,
А й зовут его в Чернигов воеводою.

Говорит-то им Илья да таковы слова:
— Ай же мужички да вы черниговски!
Я не йду к вам во Чернигов воеводою.
Укажите мне дорожку прямоезжую,
Прямоезжую да в стольный Киев-град.

Говорили мужички ему черниговски:
— Ты, удаленький дородный добрый молодец,
Ай ты, славный богатырь да святорусский!
Прямоезжая дорожка заколodelа,
Заколodelа дорожка, замуравела.
А й по той ли по дорожке прямоезжею
Да й пехотою никто да не прохаживал,
На добром коне никто да не проезживал.
Как у той ли то у Грязи-то у Черной,
Да у той ли у березы у покляпыя,
Да у той ли речки у Смородины,
У того креста у Леванидова
Сидит Соловей Разбойник Одихмантьев сын.
А то свищет Соловей да по-соловьему,
Он кричит, злодей-разбойник, по-звериному.

¹ «На добром коне никто тут не проезживает». — Поскольку бы-
лины в большинстве своем сложились в дотатарский период, то слово «лошадь»
в них почти не встречается, а всюду употребляется слово «конь», как более древнее.

И от его ли то от посвиста соловьяго,
И от его ли то от покрика звериного
Те все травушки-муравы уплетаются,
Все лазоревы цветочки осыпáются,
Темны лесушки к земле все приклоняются, —
А что есть людей — то все мертвы лежат.
Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть верст¹,
А й окольной дорожкой — целá тысяча.
Он спустил добрá коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.

Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
С холмы на холмы стал перемахивать,
Мелки реченьки, озёрка промеж ног пускал.

Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко тою ко березе ко покляпыя,
К славному тому кресту ко Леванидову.
Засвистал-то Соловей да по-соловьему,
Закричал злодей-разбойник по-звериному —
Так все травушки-муравы уплетались,
Да й лазоревы цветочки осыпáлись,
Темны лесушки к земле все приклонились.

Его добрый конь да богатырский
А он на корзни да спотыкается —
А й как старый-от казак да Илья Муромец
Берет плеточку шелковую в белú руку,
А он бил коня да по крутым ребрам,
Говорил-то он, Илья, да таковы слова:
— Ах ты, волчья сыть да й травяной мешок!

¹ «Прямоезжею дороженькой — пятьсот есть верст». — Былины правильно представляют путь следования Ильи из Муром в Киев: он сжал через леса Брынские (то есть Брянские, дебрянские, дремучие) и через черные грязи Смоленские. Должен был ехать богатырь и через Москву, но, поскольку она возвысилась позднее, былины о ней не вспоминают. Расстояние же между городами поздние сказители путают. Так, от Чернигова до Киева не пятьсот верст, а менее ста двадцати.

Али ты иди не хошь, али нести не можь?
Что ты на корзни, собака, спотыкаешься?
Не слышал ли посвиста соловьего,
Не слышал ли покрика звериногo,
Не видал ли ты ударов богатырских?

А й тут старья казак да Илья Муромец
Да берет-то он свой тугой лук разрывчатый¹,
Во свои берет во белы он во ручушки,
Он тегивочку шелковеньку натягивал,
А он стрелочку калёную накладывал,
Он стрелил в того-то Соловья Разбойника,
Ему выбил право око со косицею,
Он спустил-то Соловья да на сыру землю,
Пристегнул его ко правому ко стремечку булатному,
Он повез его по славну по чисту полю,
Мимо гнездушка повез да соловьиного.

Во том гнездышке да соловьином
А случилось быть да и три дочери,
А й три дочери его любимых.

Больша дочка — эта смотрит во окошечко косичатое.
Говорит она да таковы слова:
— Едет-то наш батюшка чистым полём,
А сидит-то на добром конё,
И везет он мужичища-деревенщину
Да у правого у стремени прикована. —

¹ Лук разрывчатый. — В древности существовало два типа луков: простой и сложный. Корпус сложного лука изготовлялся из вареных сухожилий крупных животных, рогов и дерева твердых пород. Все это склеивалось под прессом рыбьим клеем, который не боится сырости. Тетива изготовлялась из жил животных и шелка. Стрелы также изготовлялись простые и сложные. Простые стрелы состояли из обточенного древка (толщиной 10—14 миллиметров и длиной до 1 метра). На перье обточенного древка прикреплялся железный или бронзовый наконечник. К хвосту древка рыбьим клеем приклеивались разрезанные вдоль перья крупных птиц. Сложные стрелы изготовлялись из бруска, который кололся на четыре (а иногда и больше) части, которые склеивались наружными сторонами внутрь. Такие стрелы были прочны и не корбились. Средняя дальность полета стрелы — от двухсот до трехсот шагов; в одну минуту лучник мог сделать до десяти — двенадцати прицельных выстрелов. Эпитет лука «разрывчатый», надо полагать, определяет качество лука, его крепость. Хороший лук при опускании натянутой тетивы способен разрывать воздух и издавать резкий звук.

Поглядела как другая дочь любимая,
Говерила-то она да таковы слова:
— Едет-то наш батюшка раздольцем чистым полём,
Да й везет он мужичища-деревенщину
Да й ко правому ко стремени прикована.

Поглядела его меньша дочь любимая,
Говорила-то она да таковы слова:
— Едет мужичище-деревенщина,
Да й сидит мужик он на добром конё,
Да й везет-то наша батюшка у стремени,
У булатного у стремени прикована —
Ему выбито-то право око со косицею.

Говорила-то й она да таковы слова:
— А й же мужевья наши любимые!
Вы берите-ко рогатины звериные
Да бегите-ко в раздольце чистое полё,
Да вы бейте мужичище-деревенщину!

Эти мужевья да их любимые,
Зятевья-то есть да соловьиные,
Похватали как рогатины звериные¹
Да й бежали-то они да й во чистое полё
Ко тому ли к мужичище-деревенщине
Да хотят убить-то мужичища-деревенщину.

Говорит им Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
— Ай же зятевья мои любимые!
Побросайте-ко рогатины звериные,
Вы зовите мужика да деревенщину,
В свое гнездышко зовите соловьиное,
Да кормите его ествушкой сахарною,
Да вы пойте его питьцем медвяным,
Да й дарите ему дары драгоценные! —

¹ «Рогатины звериные». — Рогати́на — разновидность копья с более широким, тяжелым, обоюдоострым железным наконечником, который обычно назывался «ро́жон» (отсюда и выражение «лезть на рожон»). С XVIII века рогатина была снята с вооружения войск и употреблялась только для охоты на медведей.

еж,

более
назы-
тна

Говорил-то старья казак да Илья Муромец:
— Есть я с славного из города из Мурома,
Из того села да Карачарова,
Есть я старья казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович.

Говорит ему Владимир таковы слова:
— Ай же старья казак да Илья Муромец!
Да й давно ли ты повыехал из Мурома
И которою дороженькой ты ехал в стольный Киев-град?

Говорил Илья он таковы слова:
— Ай ты, славныя Владимир стольно-киевский!
Я стоял заутреню христосскую во Муроме,
А й к обеденке поспеть хотел я в стольный Киев-град,
То моя дорожка призамешкалась.
А я ехал-то дорожкой прямоезжею,
Прямоезжею дороженькой я ехал мимо-то
Чернигов-град,

Ехал мимо эту Грязь да мимо Черную,
Мимо славному реченьку Смородину,
Мимо славную березу ту покляпую,
Мимо славный ехал Леванидов крест.

Говорил ему Владимир таковы слова:
— Ай же мужичище-деревенщина,
Во глазах, мужик, да подлыгаешься,
Во глазах, мужик, да насмехаешься!
Как у славного у города Чернигова
Нагнано тут силы много множество —
То пехотою никто да не прохаживал
И на добром коне никто да не проезживал,
Туды серый зверь да не прорыскивал,
Птица черный ворон не пролетывал.
А у той ли то у Грязи-то у Черной,
Да у славної у речки у Смородины,
А й у той ли у березы у покляпыя,
У того креста у Леванидова
Соловей сидит Разбойник Одихмантьев сын.

То как свищет Соловей да по-соловьему,
Как кричит злодей-разбойник по-звериному —
То все травушки-муравы уплетаются,
А лазоревы цветочки осыпáются,
Темны лесушки к земле все приклоняются,
А что есть людей — то все мертвы́ лежат.

Говорил ему Ильа да таковы слова:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский!
Соловей Разбойник на твоём дворе.
Ему выбито ведь право око со косицею,
И он ко стремени булатному прикованный.

То Владимир-князь-от стольно-киевский
Он скорёшенько вставал да на резвы́ ножки,
Кунью шубоньку накинул на одно плечко́,
То он шапочку соболью на одно ушко́,
Он выходит-то на свой-то на широкий двор
Посмотреть на Соловья Разбойника.

Говорил-то ведь Владимир-князь да таковы слова:
— Засвищи-тко, Соловей, ты по-соловьему,
Закричи-тко, ты, собака, по-звериному.

Говорил-то Соловей ему Разбойник
Одихмантьев сын:
— Не у вас-то я сегодня, князь, обедаю,
А не вас-то я хочу да и послушати.
Я обедал-то у старого казáка Ильи Муромца,
Да его хочу-то я послушати.

Говорил-то как Владимир-князь да стольно-киевский:
— Ай же старья казак ты Ильа Муромец!
Прикажи-тко засвистать ты Соловью
да й по-соловьему,
Прикажи-тко закричать да по-звериному.

Говорил Ильа да таковы слова:
— Ай же Соловей Разбойник Одихмантьев сын!

Засвищи-тко ты во полсвиста соловьего,
Закричи-тко ты во полкрика звериного.

Говорил-то ему Соловей Разбойник Одихмантьев сын:
— Ай же старья казак ты Илья Муромец!
Мои раночки кровавы запечатались,
Да не ходят-то мои уста сахарные,
Не могу я засвистать да й по-соловьему,
Закричать-то не могу я по-звериному.
А й вели-тко князю ты Владимиру
Налить чару мне да зеленá вина.
Я повыпью-то как чару зеленá вина —
Мои раночки кровавы поразбóдятся,
Да й уста мои сахарны порасходятся,
Да тогда я засвищу да по-соловьему,
Да тогда я закричу да по-звериному.

Говорил Илья тут князю он Владимиру:
— Ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
Ты поди в свою столовую во горенку,
Наливай-ко чару зеленá вина.
Ты не в малую стопу — да полтора ведра,
Подноси-тко к Соловью к Разбойнику.

То Владимир-князь да стольно-киевский
Он скоренько шел в столову свою горенку,
Наливал он чару зеленá вина,
Да не малу он стопу — да полтора ведра,
Разводил медами он стоялыми,
Приносил-то он ко Соловью Разбойнику.
Соловей Разбойник Одихмантьев сын
Принял чарочку от князя он одной ручкóй,
Выпил чарочку ту Соловей одним духóм.

Засвистал как Соловей тут по-соловьему,
Закричал Разбойник по-звериному —
Маковки на теремах покрíвились,
А окóленки во теремах рассыпались.

От него, от посвиста соловьего,
А что есть-то людушек — так все мертвы лежат.
А Владимир-князь-от стольно-киевский
Куньей шубонькой он укрывается.
А й тут старой-от казак да Илья Муромец
Он скорёшенько сажился на добра коня,
А й он вез-то Соловья да во чисто поле,
И он срубил ему да буйну голову.
Говорил Илья да таковы слова:
— Тебе полно-тко свистать да по-соловьему,
Тебе полно-тко кричать да по-звериному,
Тебе полно-тко слезить да отцов-матерей,
Тебе полно-тко вдовить да жен молодых,
Тебе полно-тко спущать-то сиротать да малых детушек!

А тут Соловью ему й славу поют¹,
А й славу поют ему век по веку!

¹ Слова «а тут Соловью ему й славу поют» употреблены сказителем в ироническом смысле. Смысл этих слов примерно таков: тут Соловью и смерть пришла.

Илья Муромец и Святогор

Из далеча-далеча, чиста поля,
Выезжал старый казак да Илья Муромец,
Илья Муромец да сын Иванович,
Увидал Святогора он богатыря:
— Что за чудо вижу во чистом поле,
Что богатырь едет на добром коне,
Под богатырем-то конь да будто лютый зверь,
А богатырь спит крепко-накрепко?

Как вскричал Илья да зычным голосом:
— Ох ты гой еси, удалый добрый молодец,
Ты что, молодец, да издеваешься,
А ты спишь ли, богатырь, аль притворяешься,
Не ко мне ли старому да подбираешься?

А на это я могу ответ держать. —
От богатыря да тут ответа нет.

А вскричал Илья да пуще прежнего,
Пуще прежнего да зычным голосом, —
От богатыря да тут ответа нет.

Разгорелось сердце богатырское
У старого казака Ильи Муромца,
Как берет он палицу булатную¹,
Ударяет он богатыря да по белым грудям,
А богатырь спит, не просыпается.

Рассердился тут да Илья Муромец,
Разъезжается он во чисто поле,
А с разъезду ударяет он богатыря
Пуще прежнего он палицей булатною.
Богатырь спит, не просыпается.

Рассердился тут старый казак да Илья Муромец,
А берет он шелепугу подорожную,
А не малу шелепугу — да во сорок пуд,
Разъезжается он со чиста поля,
И ударил он богатыря по белым грудям,
И отшиб он себе да руку правую.
Тут богатырь на коне да просыпается,
Говорит богатырь таково слово:
— Ох, как больно русски мухи кусаются!

Поглядел богатырь в руку правую,
Увидал тут Илью Муромца.
Он берет Илью да за желты кудри,
Положил Илью да он к себе в карман,
Илью с лошадью да богатырской,
И поехал он да по святым горам,
По святым горам да Араратским.

¹ «Как берет он палицу булатную». — Собственно палицей называлась деревянная дубина с утолщенным концом. Развитием палицы явилась булава. Палица булатная — булава.

— зыва-
— ула-

Как день он едет до вечера,
Темну ноченьку да он до утра,
И второй он день едет до вечера,
Темну ноченьку он до утра,
Как на третий-то да на денечек
Богатырский конь стал спотыкаться.

Говорит Святогор да коню доброму:
— Ах ты, волчья сыть да травяной мешок,
Уж ты что, собака, спотыкаешься?
Ты идти не можь аль везти не хошь?

Говорит тут верный богатырский конь
Человеческим да он голосом:
— Как прости-тко ты меня, хозяинушко,
А позволь-ко мне да слово вымолвить:
Третьи суточки да ног не складучи,
Я вожу двух русских могучих богатырей,
Да й в третьих с конем богатырским.

Тут Святогор богатырь да опомнился,
Что у него в кармане тяжелешенько;
Он берет Илью за желты кудри,
Он кладет Илью да на сыру землю
Как с конем его да богатырским.
Начал спрашивать да он, выведывать:
— Ты скажи, удалой добрый молодец,
Ты коей земли да ты какой орды?
Если ты — богатырь святорусский,
Дак поедem мы да во чисто поле,
Попробуем мы силу богатырскую.

Говорит Илья да таковы слова:
— Ай же ты, удалой добрый молодец,
Я вижу силушку твою великую,
Не хочу я с тобой сражаться,
Я желаю с тобой побрататься.

Святогор-богатырь соглашается,
Со добра коня да опускается,

И раскинули они тут бел шатер,
А коней спустили во луга зеленые,
Во зеленые луга они стреножили.
Сошли они оба во белый шатер,
Они друг другу порассказались,
Золотыми крестами поменялися,
Они друг с другом да побратались,
Обнялись они, поцеловались, —
Святогор-богатырь да будет больший брат,
Илья Муромец да будет меньший брат.

Хлеба-соли тут они откушали,
Белой лебеди порушали
И легли в шатер да опочив держать.
И недолго, немало спали трое суток,
На четверты они да просыпалися,
В путь-дороженьку да отправлялися.

Как седлали они да коней добрых,
И поехали они да не в чисто поле,
А поехали они да по святым горам,
По святым горам да Араратским.
Прискакали на горе Елеонскую,
Как увидели они да чудо чудное,
Чудо чудное да диво дивное:
На горе да Елеонской
Как стоит тут да дубовый гроб.

Как богатыри с коней спустилися,
Они ко гробу этому да наклонилися.
Говорит Святогор да таковы слова:
— А кому в этом гробе лежать сужено?
Ты послушай-ко, мой меньший брат,
Ты ложись-ко во гроб да померяйся,
Тебе ладен ли да тот дубовый гроб.

Илья Муромец да тут послушался
Своего ли братца большего,
Он ложился, Илья, да в тот дубовый гроб.

Этот гроб Илье да не поладился,
Он в длину длинен и в ширину широк.
И вставал Илья да с того гроба,
А ложился в гроб да Святогор-богатырь,
Святогору гроб да поладился,
В длину по мере и в ширину как раз.
Говорит Святогор да Илье Муромцу:
— Ай же ты, Илья, да мой меньший брат,
Ты покрой-ка крышечку дубовую,
Полежу в гробу я, полюбуюся.

Как закрыл Илья крышечку дубовую,
Говорит Святогор таковы слова:
— Ай же ты, Ильюшенька да Муромец,
Мне в гробу лежать да тяжелешенько,
Мне дышать-то нечем да тошнешенько,
Ты открой-ко крышечку дубовую,
Ты подай-ка мне да свежа воздуху. —
Как крышечка не поднимается,
Даже щелочка не открывается.

Говорит Святогор да таковы слова:
— Ты разбей-ко крышечку саблей вострою. —
Илья Святогора послушался,
Берет он саблю вострую,
Ударяет по гробу дубовому.
А куда ударит Илья Муромец,
Тут становится обручи железный;
Начал бить Илья да вдоль и поперек,
Всё железны обручи становятся.

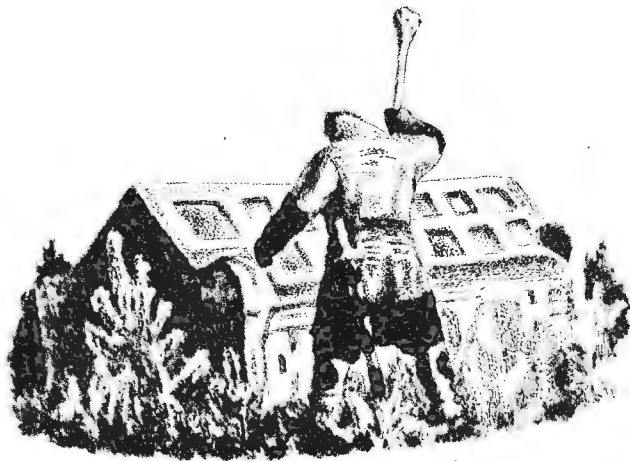
Говорит Святогор да таковы слова:
— Ах ты, меньший брат да Илья Муромец,
Видно, тут мне, богатырю, кончинушка.
Ты схорони меня во сыру землю,
Ты бери-тко моего коня да богатырского,
Наклонись-ко ты ко гробу ко дубовому,
Ядохну тебе да в личико белое,
У тя силушки да поприбавится. —

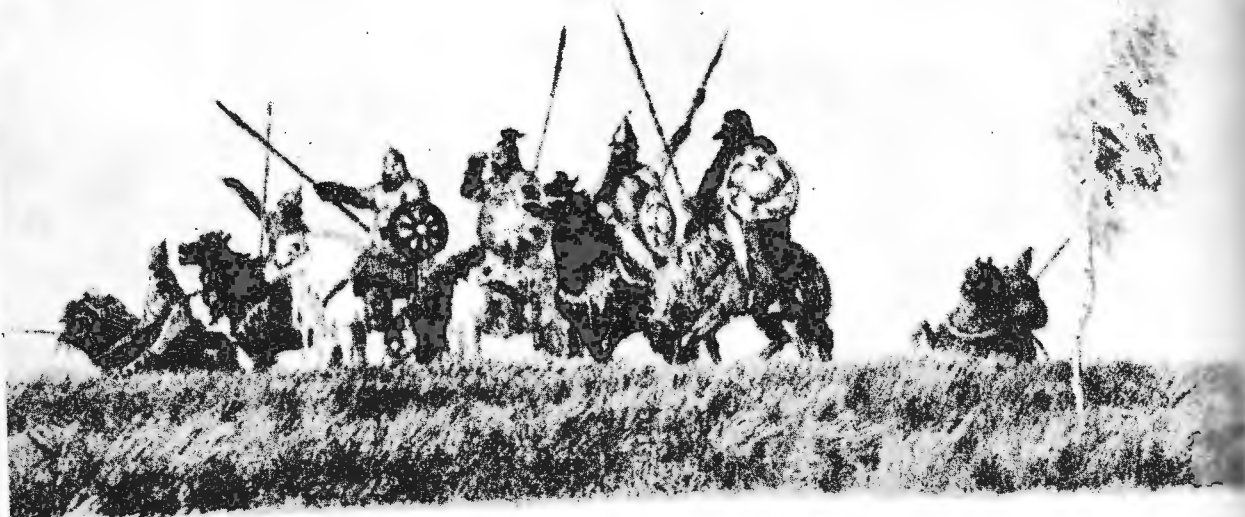
Говорит Илья да таковы слова:

— У меня головушка есть с проседью,
Мне твоей-то силушки не надобно,
А мне своей-то силушки достаточно;
Если силушки у меня да прибавится,
Меня не будет носить да мать сыра земля,
И не надо мне твоего коня да богатырского,
А мне-ка служит верой-правдою
Мне старый бурушка косматенький.

Тута братица да распростилися.

Святогор остался лежать да во сырой земле,
А Илья Муромец поехал по святой Руси
Ко тому ко городу ко Киеву,
А ко ласкову князю ко Владимиру.
Рассказал он чудо чудное,
Как схоронил он Святогор да богатыря
На той горе на Елеонской.
Да тут Святогору и славу поют,
А Илье Муромцу да хвалу дают,
А на том былина и закончилась.

Илья Муромец и Сокольник

З был ведь пособран-то богатый пир
Как у ласкового князя у Владимира.
Все богатыри да были созваны,
Все на пиру да наедались,
Все на пиру да забавлялись.
Когда разъехались храбрые-могучие
Богатыри по своим домам,
По своим домам, да по своим дворам,
По своим дворам, по своим местам,
А остался ласковый князь стольно-киевский
Со своей княгиней да со Апраксией...

Он во своей да спальне светлою,
Да долго он с княгиней разговаривал.

Как стал усыпать тут он богатырским сном,
Тут услышал да голос зычный-то,
Как вдруг раздался голос богатырский позадь Киева:
— Ай ты, ласковый ты князь Владимир

стольно-киевский,

Если ты спишь, ты не пробуждаешься-ко!
Али ты пиром наслаждаешься?
Аль про нас, богатырей, не ведаешь?
Посылай-ка ты да мне соперника,
А ты соперника, упору крепкую,
Упору крепкую да оборонушку великую,
А оборонушку да постоять за Киев-град!
Если нет у тя упоры крепкой богатырской-то,
То поеду я к тебе во Киев-град,
А побью от старого до малого,
А от малого до старого,
А тебя-то, князя-то Владимира,
С княгиней-то со Апраксией,
Верно, в плен возьму,
А Киев-град да ведь огнем пожгу,
Я богатырей копьём-мечом побью!

Тут Владимир удивляется,
Будит он княгиню да Апраксию:
— Ах ты, ласкова княгиня ты Апраксия,
Мне-то что-то во сне видится,
Мне-то что-то во сне чудится!

А княгине тоже видится:
— Ах ты, ласковый князь Владимир столько-киевский,
Я давно не сплю, тебе сказать хочу:
Слышишь голос как нахвальщика,
Как нахвальщика, незнакомоего наездника?
А у нас дружина принапилася,
Принапилася, куда-то укатилася.
Где-то был старый казак да Илья Муромец,
Тот мог бы постоять да за Киев-град,
За тебя, ласкового князя да Владимира,
За меня, княгиню-то Апраксию.

Постоял бы он за бедных жен,
За бедных жен, за бедных вдов
И за бедных малых сироточек!

А вот опять кричит нахвальщик громким голосом
Так, что сад весь пошатается,
Со дерев-то лист да осыпается.

Тут теперь Владимиру да не до сна пришло.
Как и скочил-то он да на резвы ноги,
Как и бежал он да на высоко крыльцо,
Как кричал он громким голосом:
— Эх вы, добрые удалые молодцы,
Уж вы не выдайте князя да Владимира,
А молодой княгини да Апраксии,
Постойте за наши-то богатства княженецкие!

Как скоро-наскоро бежит Илья,
Редко он кудрями-то потряхивает,
Ножкой через улочку пошаркивает.
Он бежит ко той парадной лестнице,
По мосткам бежит — мосты покрякивают,
По ступенькам шагнет — ступеньки потрескивают.
Сам садится супротив царя,
Говорит да таковы слова:
— А что ты, князь, князь Владимир стольно-киевский,
Ты о чем сидишь да призадумался,
Призадумался да так запечалился?
Что ли нет у нас сильных, могучих богатырей,
Что не можем мы отпихаться от наездничка?

А вот услышал голос-то наездника,
А криком — голос богатырский.
От такого крика богатырского
Вся палатушка шатается,
А сидит Илюша удивляется.
А некогда сидеть да толковать-беседовать,
А надо кликать бой да богатырю.

Он бежал да на конюшенку стоялую,
Он там брал доспехи богатырские.
А в первую очередь схватил узду тесмяную
(А не тем уздечка была дóрога,
Что узда-то была шелкова),
А он клал на добра коня,
По конюшенке поваживал,
На Бурушка посматривал:
— Вот нам, Бурка, чередá пришла
Ехать в чисто поле с наездником,
Вот на рать-побоище смертное.

Становил добра коня, похлопывал,
У него гриву причесывал мохнатую,
А потом начал его оседлывать.
Вот на потнички кладал потнички,
А на войлочки кладал войлочки,
Наверху подвергивал попону пестрядиновую. —
А не тем была попона дорога,
Что в три строчки золотом прострочена ¹,
Тем попона была дорога,
Что во всех четырех углах
По самоцветну камню яхонту ², —
А другой видит, вишь, дивуется,
А на попонку он любится.
А камни всажены для проезда добра молодца, —
Впереди от них был свет, как от красна солнышка,
А сзади от них — как от света месяца,
А молодым, сильным, могучим богатырям
А лесами-то проезжать,
А ночами-то ночками осенними,

¹ «Попона в три строчки золотом прострочена». — Попона была украшена швейным золотом, то есть шелковой нитью, сплошь обвитой тонкой позолоченной серебряной проволокой.

² «Во всех четырех углах по самоцветну камню яхонту». — В других былинах рассказывается, что светящийся камень яхонт вставлялся в уздечку лошадей и служил опознавательным знаком во время ночной езды. По описанию данной быliny, камень яхонт вставлен с той же целью в углы попоны — покрывала лошади. Свойство яхонта светиться в былинах сильно преувеличено.

Да лесами теми Брынскими,
 А теми болотами топучими,
 А съезжаться приходится с богатырем...
 А на верх покидывал седельшко черкасское
 На все двенадцать подпруг накрепко да наплотно, —
 А шелк-то тянется, да ведь не рвется,
 А золото-то мокнет, да не ржавеет,
 Каждую пряжечку посматривал.
 Вот брал он копье в руку под плечо,
 Как брал шелепугу подорожную,
 Тридцать и три пуда свинца налито,
 Свинца налито да чебурацкого...
 Для отмашки сильного богатыря
 А брал он булавицу,
 Котора-от Ильи без мала девяносто пуд.
 Накладал он стальной шлем на головушку,
 А шлем стальной был с шишаком во двенадцать пуд¹,
 Не нанес бы богатырь удара-то острым мечом,
 Вот острым мечом по головушке,
 Не пробил бы он у богатыря ведь черепа.
 А тут мечом Илюша подпоясался²,
 А брал Илюша первую заповедь — тугой лук,
 А вот колчан да он со стрелами.

А скоро тут садился Илюша на добра коня,
 На добра коня, как на люта зверя.

¹ «А шлем стальной был с шишаком во двенадцать пуд». — Названия шлема были самые различные: шелом (шолом), шишак, ерихонка, шапка железная, шапка бумажная, мисюрка и т. п. Особенность русского шлема — его коническое окончание, называемое наверху и м. Шлемы с высоким навершием назывались шишаками. Навершие (шишак) не позволяло противнику нанести прямой удар. Можно было ударить только сбоку, от чего сила удара уменьшалась и лишь в редких случаях дело оканчивалось смертью пораженного человека. Обычно человек получал лишь контузию, что и называлось тогда «ошеломить» противника. К шлемам обычно прикреплялись металлические сетки — кольчуги, называвшиеся брассами, которые закрывали уши, шею и плечи воина. До XVI века широкое распространение имели так называемые бумажные шапки — наголовье из плотно выстеганной на пеньке материи. Внутрь материи зашивались обрезки (кусочки) железа.

² Имеется в виду: подпоясал меч.

Как пришпорил Илья шпорами,
А очернял шелковой плетью,
А спрыгнул, будто лютой зверь,
Только видели добра молодца сядучи,
А не видели тут поездки богатырскою, —
И только куревка ему прокурила
И вслед пороша пропорбила¹.

Выезжал Илюша во чисто поле,
А во то раздольице широкое,
А увидел его собака-богатырь,
А он начал да насмехаться,
А он начал да насмешку делати:
— Ах ты, старая базыга, ты седатый пес!
Ты куда идешь на дело ратное?
Ты куда идешь на побоище смертное?
А тебе ли, седатому седине,
А сидеть на добром коне,
На добром коне, как на лютом звере,
На лютом звере съезжаться с богатырем!

А кричит ему Илюша таковы слова:
— Ах и ты, засельщина да деревенщина,
Ты, холопина да, знать, боярская!
Где-то ты стащил шубу да черна соболя,
Да украл-схватил сапоженки зелён сафьян,
Угнал с барских конюшен добра коня?
Ты как едешь к нам во Киев-град,
Ты во Киев-град да повладети ведь,
Повладети ведь Киевом.
А завладеть-то князем-то Владимиром.
Как у нашего у князя у Владимира
А есть и сильные, храбрые богатыри,
Могут ведь упор держать,
Могут ведь ответы дать! —

¹ «И только куревка ему прокурила и вслед пороша пропорбила». — Смысл фразы: за богатырским конем пыль, как столб дыма — куревка прокурила, как метель — пороша пропорошила. И богатыря не стало видно.

Кричит Сокольник опять да таковы слова:
— Ах ты, старая базыга, ты седатый пес!
Ты построй-ка там келью о дороженьку¹,
И сберег бы ты деньжонки по копеечкам,
По копейке деньги, по полушечкам, —
Тут бы ты, базыга, и живот питал,
Тут ты, седина, да и жизнь кончал!
А тебе ли ехать во чисто поле,
С нами биться с добрыми молодцами? —
Как скоро тут богатыри разгневались,
А держали коней-то с быстростью,
А скоро копыа долгомерные похватывали,
Как первую разъездку держали они.
Как ударяли они да по щитам слоновым² —
Да копыа долгомерные погнулися,
А богатыри как в седлах не качнулися.
А от того удара от великого,
А от тех от копий стальных да мурзамецких,
А от тех щитов верно-крепких,
А от тех костей да от слоновых
А раздалось громкое эхо в Киеве,
Там ведь в тереме маковки да шаталися,
Все богатыри со двора да разбегалися...

А скоро кони у богатырей поправились,
Они держали-то вторую-то поездку-то
Попробовать стальную палицу-булавицу,
Стальных шлемов с головы.

¹ «Ты построй-ка там келью о дороженьку». — Крестьянская келья — небольшой деревянный домик с одним или двумя окошками. В кельях обычно жили бедные одинокие люди (женщины, старики), кормившиеся подаaniem. Сокольник, издеваясь над Ильей Муромцем, советует ему построить келью при дороге и в ней коротать свою старость.

² «Как ударяли они да по щитам слоновым». — Щиты в древности имели вид эллипса и изготовлялись из дерева (чтобы легче их было держать в руках). Дерево обтягивалось кожей, поверх которой крест-накрест проходили металлические полосы (обычно железные). Оковывались и края щитов. По былинке, щиты богатырей были не деревянные, а из слоновой кости. Возможно, что щиты отдельных знатных людей и могли изготовляться из различных дорогих материалов, в частности из кости.

У Ильи несчастье приключилось,
Как ему-то горе приключилось:
Как ударил богатырь палицей-то, палицей
О палицу его-то булавицу —
В руках кольцо колыбается.
Как съехался да тут с Сокольников,
Ударили друг дружку копьями да долгомерными, —
Копья те ихние да погнулися,
А богатыри все да кочнулися...

А размахнулся старый наш казак да Илья Муромец,
Как на второй-то раз ударил Сокольника,
Он ударил его палицей-булавицей,
А, на несчастье, тут да Илья Муромца
А палица да поломалася,
Она надвое да разлеталася,
Только кольцо в руках осталось.

Как выводил Сокольник острый меч,
А хочет тот ударить Илью Муромца,
А Илья Муромец увертлив был.
А завернется он за гриву лошадиную,
А подумал он да таковы слова:
«Может, я ведь сберегу жизнь свою,
А как повыбью буйну голову!»

А подхватит-то он острый меч,
А побьет-то теперь Сокольника.
Бьет по шлему стальному да вострому,
А бессилён-от богатырь на земле лежит,
На земле лежит, все ругается,
За копье-то Илюшеньки имается,
И добрый конь скочил на грудь ему,
Притиснул как к сырой земле.

Как увидел тут Илюшенька
На правой руке да свой перстень:
— Ах ты, чадо мое малое,

ными, —

Илья Муромец,

Дитя-то ты неразумное,
Ты ведь мною-то построено,
От меня силушка заведена...
Хочешь ты Киевом овладеть!
Вот тебе клятва первая,
Раз остался драться я в живых:
Как будешь с князем ссориться,
Дай отсеку буйну голову.

Дак дал тут Сокольник свое слово
Повиноватися своему батюшке Илье Муромцу
И не ссориться с Владимиром
И с княгиней да Апраксией.

Тут они да поздоровались,
Во уста да целовались,
Целовались да обнимались.

Тут Илюшенька раскинул белый шатер.
Зашли во белый шатер
Вот с рождёным до со сражёным.
Уж достал он запасушки поёздные,
Он заёздные запасы все, походные...
Они поели-попили, повеселились,
Скоро-то богатыри да принапились,
Принапились да приумаялись,
Приумаялись да привалились.

Прилег тут да Илья Муромец,
А Сокольник думат таку думушку:
«Погоди-ко ты, седатый волк,
Вот я дам тебе расправу вечную!...»
Как выдворил кинжалище булатное девятнадцать пуд,
Как черкнул Илюшеньку во белу грудь, —
А как не снял тот верно крепкий щит,
А под щитом брань стальну-чугунную.
Как от того ль от звука-то от великого
Как проснулся славный казак Илья Муромец,

Как скочил он на резвы ноги,
Как стряхнул кудрями да ведь сивыми,
Как схватил Сокольника за волосы кудрявые:
— Ах ты, ай бездельничек!
Покажу я тебе старость, старика пугать!

Как он бросил его на сыру землю,
Да сам таковы слова приговаривал:
— Кем ты, дитятко, заведено,
Тем, дитятко, будешь прикончено!

Как прошла молва, рубил голову Сокольника,
Ехал к ласковому князю ко Владимиру.

Илья Муромец и Залин-царь

Как Владимир-князь да стольно-киевский
Поразгневался на старого казѧка Илью Муромца,
Засадил его во погреб во холодныя
Да на три года поры-времени.

А у славного у князя у Владимира
Была дочь да одинакая.
Она видит — это дело есть немалое,
А что посадил Владимир-князь да стольно-киевский
Старого казѧка Илью Муромца

В тот во погреб во холодныя,
А он мог бы постоять один за веру, за отечество,
Мог бы постоять один за Киев-град,
Мог бы постоять один за церкви за соборные,
Мог бы поберечь он князя да Владимира,
Мог бы поберечь Апраксу-королевичну.

Приказала сделать да ключи поддельные,
Положила-то людей да потаённых,
Приказала-то на погреб на холодный
Да снести перины да подушечки пуховые,
Одеяла приказала снести теплые,
Она яствушку поставить да хорошую
И одежду сменять с нова на ново
Тому старому казаку Илье Муромцу.
А Владимир-князь про то не ведает.

Воспылал-то тут собака Ка́лин-царь на Киев-град,
И хотел он разорить да стольный Киев-град,
Чернедь-мужичков¹ всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да голову срубить.
Да со той Апраксой-королевичной.

Посылает-то собака Калин-царь посланника,
А посланника во стольный Киев-град,
И дает ему он грамоту посыльную,
И посланнику-то он наказывал:
— Как поедешь ты во стольный Киев-град,
Будешь ты, посланник, в стольном во Киеве
Да у славного у князя у Владимира,
Будешь на его на широком дворе.
И сойдешь как тут ты со добра коня,
Да й спускай коня ты на посыльный двор,
Сам поди-тко во палату белокаменну.

¹ Чернедь-мужички — чернопахотные крестьяне, землепашцы, государственные, а не частновладельческие крестьяне.

Да й пройдешь палатой белокаменной,
 Да й войдешь в его столовую во горенку.
 На пятú ты дверь да поразмахивай,
 Подходи-ко ты ко столику к дубовому,
 Становись-ко супротив князя Владимира,
 Полагай-ко грамоту на золот стол,
 Говори-тко князю ты Владимиру:
 «Ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
 Ты бери-тко грамоту посыльную
 Да смотри, что в грамоте написано,
 Да смотри, что в грамоте да напечатано.
 Очищай-ко ты все улички стрелецкие,
 Все великие дворы да княженецкие.
 По всему-то городу по Киеву,
 А по всем-то переулкам княженецким
 Наставь сладких хмельных напитокочков,
 Чтоб стояли бóчка ó бочку близко-пó близку,
 Чтобы было у чего стоять собаке царю Калину¹
 Со своими-то войсками со великими
 Во твоём во городе во Киеве».

То Владимир-князь да стольно-киевский
 Брал-то книгу он посыльную,
 Да и грамоту ту распечатывал
 И смотрел, что в грамоте написано,
 И смотрел, что в грамоте да напечатано:
 А что велено очистить улицы стрелецкие
 И большие дворы княженецкие
 Да наставить сладких хмельных напитокочков
 А по всем по улицам широким
 Да по всем переулкам княженецким.

¹ «Собаке царю Калину». — Здесь, как видим, Калин-царь сам себя называет собакою. Собакою называют Калина и его приближенные. Это не ошибка сказителя, а своеобразное явление народной поэзии, известное под названием «окаменение эпитетов». Эпитет в таких случаях употребляется как бы в противоречии со смыслом. Ненависть русского народа к поработителям была настолько огромна, что сказитель не мог допустить, чтобы враг не был «собакой».

Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Видит — есть это дело немалое,
А немало дело-то — великое.
А сажился-то Владимир-князь да на червлёный стул
Да писал-то ведь он грамоту повинную:
«Ай же ты, собака да и Калин-царь!
Дай-ко мне ты поры-времечка на три годá,
На три годá дай и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня
Мне очистить улицы стрелецкие,
Все великие дворы да княженецкие,
Накурить мне сладких хмельных напитков
Да й поставить по всему-то городу по Киеву,
Да й по всем по улицам широкиим,
По всем славным переулкам княженецкиим».

Отсылает эту грамоту повинную,
Отсылает ко собаке царю Калину.
А й собака тот да Калин-царь
Дал ему он поры-времечка на три годá,
На три годá дал и на три месяца,
На три месяца да еще на три дня.

Еще день за день ведь как и дождь дождит,
А неделя за неделей как река бежит —
Прошло поры-времечка да три годá,
А три годá да три месяца,
А три месяца да еще три-то дня.
Тут подъехал ведь собака Калин-царь,
Он подъехал ведь под Киев-град
Со своими со войсками со великими.

Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Он по горенке да стал похаживать,
С ясных очушек он ронит слезы ведь горючие,
Шелковым платком князь утирается,
Говорит Владимир-князь да таковы слова:
— Нет живá-то старого казáка Ильи Муромца,

Обошел собака Калин-царь наш Киев-град
Со своими со войсками со великими.
А постой-ко ты за веру, за отечество,
И постой-ко ты за славный Киев-град,
Да постой за матушки божьи церкви,
Да постой-ко ты за князя за Владимира,
Да постой-ко за Апраксу-королевичну!

Так тут старья казак да Илья Муромец
Выходил он со палаты белокаменной,
Шел по городу он да по Киеву,
Заходил в свою палату белокаменну
Да спросил-то как он паробка любимого.
Шел со паробком да со любимым
А на свой на славный на широкий двор,
Заходил он во конюшеньку в стоялую,
Посмотрел добра коня он богатырского,
Говорил Илья да таковы слова:
— Ай же ты, мой паробок любимы,
Верный ты слуга мой безыменны,
Хорошо держал моего коня ты богатырского!

Целовал его он во уста сахарные,
Выводил добра коня с конюшеньки стоялыя
А й на тот на славный на широкий двор.

А й тут старья казак да Илья Муромец
Стал добра коня тут он заседывать.
На коня накладывает потник,
А на потник накладывает войлочек —
Потник он клал да ведь шелковенькой, —
А на потник подкладывал подпотник,
На подпотник седёлко клал черкасское,
А черкасское седёлышко не держано.
И подтягивал двенадцать подпругов шелковых,
И шпенёчки он втягивал булатные,
А стремяночки покладывал булатные,
Пряжечки покладывал он красна золота —

Да не для красы-угожества,
Ради крепости всё богатырской:
Еще подпруги шелковы тянутся, да они не рвутся.
Да булат-железо гнется не ломается,
Пряжечки-то красна золота —
Они мокнут, да не ржавеют.

И сажился тут Илья да на добра коня,
Брал с собой доспехи крепки богатырские:
Во-первых, брал палицу булатную,
Во-вторых, копье брал мурзameцкое,
А еще брал саблю свою острую,
Еще брал шалыгу подорожную,
И поехал он из города из Киева.

Выехал Илья да во чисто поле,
И подъехал он ко войскам ко татарским
Посмотреть на войска на татарские.
Нагнанό-то силы много множество.
Как от покрика от человеческого
Унывает сердце человеческо.

Тут старья казак да Илья Муромец
Он поехал по раздольицу чисту полю,
Не мог конца-краю силушке наехати.
Он повыскочил на гору на высокую,
Посмотрел на все на три, четыре стороны,
Посмотрел на силушку татарскую —
Конца-краю силе насмотреть не мог.
И повыскочил он на гору на другую,
Посмотрел на все на три, четыре стороны —
Конца-краю силе насмотреть не мог.

Он спустился с той горы да со высокия,
Да он ехал по раздольицу чисту полю
И повыскочил на третью гору на высокую,
Посмотрел-то под восточную ведь сторону.

Насмотрел он под восточной стороной,
Насмотрел он там шатры белы,
И у белых шатров-то кони богатырские.
Он спустился с той горы да со высокия
И поехал по раздольицу чисту полю.

Приезжал Илья к шатрам ко белым,
Как сходил Илья да со добра коня.
Да у тех шатров у белых,
А там сгоят кони богатырские,
У того ли полотна стоят у белого,
Они зоблят-то пшену да белоярову.
Говорит Илья да таковы слова:
— Поотведать мне-ка счастья великого!

Он накинул поводы шелковые
На добра коня на богатырского
Да спустил коня ко полотну ко белому:
— А й допустят ли то кони богатырские
Моего коня да богатырского
Ко тому ли полотну ко белому
Позобать пшену да белоярову?

Его добрый конь идет-то грудью к полотну,
А идет зобать пшену да белоярову.
Старый казак да Илья Муромец
А идет он да во бел шатер.

Приходит Илья Муромец во бел шатер —
В том белом шатре двенадцать-то богатырей,
И богатыри все сяторусские.
Они сели хлеба-соли кушати,
А и сели-то они да пообедати.
Говорил Илья да таковы слова:
— Хлеб да соль, богатыри да сяторусские,
А и крестный ты мой батюшка
А й Самсон да ты Самойлович!

Говорит ему да крёстный батюшка:
— А й поди ты, крестничек любимья,
Старья казак да Илья Муромец,
А садись-ко с нами пообедати.

И он встал ли да на резвы́ ногѣ,
С Ильей Муромцем да поздоровались,
Поздоровались они да целовались,
Посадили Илью Муромца да за единый стол
Хлеба-соли да покушати.
Их двенадцать-то богатырей,
Илья Муромец — да он тринадцатый.

Они попили, поели, пообедали,
Выходили з-за стола из-за дубового,
Они господу богу помолилися.
Говорил им старья казак да Илья Муромец:
— Крёстный ты мой батюшка Самсон
Самойлович,

И вы, русские могучие богатыри!
Вы седлайте-тко добрых коней,
А й садитесь вы да на добрых коней,
Поезжайте-тко да во раздольице чисто поле,
А й под тот под славный стольный Киев-град.
Как под нашим-то под городом под Киевом
А стоит собака Калин-царь,
А стоит со войсками со великими,
Хочет разорить он стольный Киев-град,
Чернедь-мужиков он всех повырубить,
Божьи церкви все на дым спустить,
Князю-то Владимиру да со Апраксой-
королевичной

Он срубить-то хочет буйны головы.
Вы постойте-ко за веру, за отечество,
Вы постойте-тко за славный стольный Киев-град.
Вы постойте-тко за церкви те за божии,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той Апраксой-королевичной!

Говорит ему Самсон Самойлович:

— Ай же крестничек ты мой любимый,
Старья казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедem мы во славно во чисто поле,
Да не будем мы стоять за веру, за отечество,
Да не будем мы стоять за стольный Киев-град,
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Апраксой-королевичной:
У него ведь есте много да князей-бояр —
Кормит их и поит, да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира.

Говорит-то старья казак да Илья Муромец:

— Ай же ты, мой крестный батюшка
А й Самсон да ты Самойлович!
Это дело у нас будет нехорошее,
Как собака Калин-царь он разорит да Киев-град,
Да он чернедь-мужиков-то всех повырубит...

Говорит ему Самсон Самойлович:

— Ай же крестничек ты мой любимый,
Старья казак да Илья Муромец!
А й не будем мы да и коней седлать,
И не будем мы садиться на добрых коней,
Не поедem мы во славно во чисто поле...
Да не будем мы беречь князя Владимира
Да еще с Апраксой-королевичной:
У него ведь много есть князей-бояр —
Кормит их и поит, да и жалует,
Ничего нам нет от князя от Владимира.

А й тут старья казак да Илья Муромец
Он тут видит, что дело ему не полюби,
А й выходит-то Илья да со белá шатра,
Приходил к добру коню да богатырскому.

Брал его за поводы шелкóвые,
Отводил от полотна от белого,
А от той пшенѣ от белояровой
Да садился Илья на добра коня,
То он ехал по раздольицу чисту полю,
И подъехал он ко войскам ко татарским.

Не ясѣн сокол да напускает на гусей, на лѣбедей
Да на малых перелетных серых утушек —
Напускается богатырь святорусския
А на тую ли на силу на татарскую.
Он спустил коня да богатырского
Да поехал ли по той по силушке татарскойей.
Стал он силушку конѣм топтать,
Стал конем топтать, копьем колоть,
Стад он бить ту силушку великую —
А он силу бьет, будто траву косит.

Его добрый конь да богатырския
Испровѣщился языком человеческим:
— Ай же славныи богатырь святорусския!
Хоть ты наступил на силу на великую,
Не побить тебе той силушки великия:
Нагнанó у собаки царя Калина,
Нагнанó той силы много множество.
И у него есть сильные богатыри,
Поляницы есть удалые;
У него, собаки царя Калина,
Сделано-то ведь три подкопа да глубокие
Да во славном раздольице чистом полѣ.
Когда будешь ездить по тому раздольицу чисту полю,
Будешь бить-то силу ту великую;
Как просядем мы в подкопы во глубокие —
Так из первых подкопов я повыскочу
Да тебя оттуда я повыздану;
Как просядем мы в подкопы-то во дрúгие —
И оттуда я повыскочу,
И тебя оттуда я повыздану;

Еще в трети подкопы во глубокие —
А ведь тут-то я повыскочу
Да тебя оттуда не повыздану:
Ты останешься в подкопах во глубоких.

Еще старья казак да Илья Муромец
Ему дело-то ведь не слюбилось.
И берет он плетку шёлкову в белы руки,
А он бьет коня да по крутым ребрам,
Говорил коню он таковы слова:
— Ай же ты, собачище изменное!
Я тебя кормлю, пою да и улаживаю,
А ты хочешь меня оставить во чистом поле
Да во тех подкопах во глубоких!
И поехал Илья по раздольцу чисту полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьём колоть,
И он бьет-то силу, как траву косит, —
У Ильи-то сила не уменьшится.

Он просел в подкопы во глубокие —
Его добрый конь да сам повыскочил,
Он повыскочил, Илью с собой повызданул.
Он пустил коня да богатырского
По тому раздольцу чисту полю
Во тую во силушку великую,
Стал конем топтать да и копьём колоть,
И он бьет-то силу, как траву косит, —
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.

Он просел с конем да богатырским,
Он попал в подкопы-то во другие —
Его добрый конь да сам повыскочил
Да Илью с собой повызданул.
Он пустил коня да богатырского
По тому раздольцу чисту полю
Во тую во силушку великую,

Стал конем топтать да и копьём колоть,
И он бьет-то силу, как траву косит, —
У Ильи-то сила меньше ведь не ставится,
На добром коне сидит Илья, не старится.

Он попал в подкопы-то во третьи —
Он просел с конем в подкопы-то глубокие —
Его добрый конь да богатырский
Еще с третьих подкопов он повыскочил
Да с собой Илью он не повызданул.
Соскользнул Илья да со добра коня,
И остался он в подкопе во глубоком.

Да пришли татары-то поганые,
Да хотели захватить они добра коня.
Его конь-то богатырский
Не сдается им во белы руки —
Убежал-то добрый конь да во чисто поле.

Тут пришли татары-то поганые,
Нападали на старого казака Илью Муромца,
А й сковали ему ножки резвые
И связали ему ручки белые.
Говорили-то татары таковы слова:
— Отрубить ему да буйную головушку!

Говорят ины татары таковы слова:
— А й не надо рубить ему буйной головы —
Мы сведем Илью к собаке царю Калину,
Что он хочет, то над ним да сделает.

Повели Илью да по чисту полю
А ко тем палаткам полотняным.
Приводили ко палатке полотняной,
Привели его к собаке царю Калину,
Становили супротив собаки царя Калина,
Говорили татары таковы слова:
— Ай же ты, собака да наш Калин-царь!

Захватили мы да старого казака Илью Муромца
Да во тех-то подкопах во глубоких
И привели к тебе, к собаке царю Калину,
Что ты знаешь, то над ним и делаешь!

Тут собака Калин-царь говорил Илье да таковы слова:
— Ай ты, старья казак да Илья Муромец!
Молодой щенок да напустил на силу на великую,
Тебе где-то одному побить силу мою великую!
Вы раскуйте-тко Илье да ножки резвые,
Развяжите-тко Илье да ручки белые.

И расковали ему ножки резвые,
Развязали ему ручки белые.
Говорил собака Калин-царь да таковы слова:
— Ай же старья казак да Илья Муромец!
Да садись-ко ты со мной а за единый стол.
Ешь-ко яствушку мою сахарную,
Да и пей-ко мои питьица медвяные,
И одень-ко ты мою одёжу драгоценную,
И держи-тко мою золоту казну,
Золоту казну держи по надобью, —
Не служи-тко ты князю Владимиру,
Да служи-тко ты собаке царю Калину.

Говорил Илья да таковы слова:
— А й не сяду я с тобой да за единый стол,
И не буду есть твоих яствушек сахарных,
И не буду пить твоих питьицев медвяных,
И не буду носить твоей одёжи драгоценной,
И не буду держать твоей бесчисленной золотой казны,
И не буду служить тебе, собаке царю Калину.
Еще буду служить я за веру, за отечество,
А й буду стоять за стольный за Киев-град,
А буду стоять за князя за Владимира
И со той Апраксой-королевичной.

Тут старый казак да Илья Муромец
Он выходит со палатки полотняной

ЮБА:

Да ушел в раздольице чистó полé.
Да теснить стали его татары-то поганые,
Хотят обневолить они старого казáка Илью Муромца.
А у старого казáка Ильи Муромца
При себе да не случилось-то доспехов крепких,
Нечем-то ему с татарами да попротивиться.

Старья казак да Илья Муромец
Видит он — дело немалое.
Да схватил татарина он за́ ноги,
Тако стал татаринoм помахивать,
Стал он бить татар татаринoм —
И от него татары стали бегати.
И прошел он сквозь всю силушку татарскую,
Вышел он в раздольице чистó полé
Да он бросил-то татарина да в сторону.

То идет он по раздольицу чистú полю́,
При себе-то нет коня да богатырского,
При себе-то нет доспехов крепких.
Засвистал в свисток Илья он богатырский —
Услыхал его добрый конь во чистóм полé,
Прибежал он к старому казáку Илье Муромцу.
Еще старья казак да Илья Муромец
Как сáдился он да на добрá коня́
И поехал по раздольицу чистú полю́.

Выскочил он на гору на высокую,
Посмотрел-то он под восточную под сторону —
А й под той ли под восточной под сторонущой,
А й у тех ли у шатров у белых
Стоят добры кони богатырские.
А тут старый-от казак да Илья Муромец
Опустился он да со добрá коня́,
Брал свой тугой лук разрывчатый в белы ручки́,

Натянул тетивочку шелкóвеньку,
Наложил он стрелочку калёную,

И он спускал ту стрелочку во бел шатер,
Говорил Илья да таковы слова:
— А лети-тко, стрелочка калёная,
А лети-тко, стрелочка, во бел шатер,
Да сними-тко крышу со белá шатра,
Да пади-тко, стрелка, на белы́ грудí
К моему ко батюшке ко крёстному,
Проскользни-тко по груди ты по белыя,
Сделай-ко царапину да маленьку,
Маленьку царапинку да невеликую.
Он и спит там, прохлаждается,
А мне здесь-то одному да мало можется.

И он спустил как эту тетивочку шелкóвую
Да спустил он эту стрелочку каленую,
Да просвистнула как эта стрелочка каленая
Да во тот во славныи во бел шатер.
Она сня́ла крышу со белá шатра,
Пала она, стрелка, на белы́ грудí
Ко тому ли ко Самсону ко Самойловичу,
По белой грудí ведь стрелочка скользнула-то,
Сделала она царапинку-то маленьку.

А й тут славныя богáтырь святорусския,
А й Самсон-то ведь Самойлович,
Пробудился-то Самсон от крепка сна,
Пораскинул свои очи ясные —
Да как снята крыша со белá шатра,
Пролетела стрелочка по белой грудí,
Она сделала царапинку да на белой грудí.

И он скорёшенько стал на резвы́ ногí,
Говорил Самсон да таковы слова:
— Ай же славные мои богáтыри вы святорусские,
Вы скорёшенько седлайте-тко добрых коней,
Да садитесь-тко вы на добрых коней!
Мне от крестничка да от любимого
Прилетели-то подарочки да нелюбимые —

Долетела стрелочка каленая
Через мой-от славный бел шатер,
Она крышу ведь сняла да со белá шатра,
Проскользнула стрелка по белой груди,
Она царапину дала по белой груди,
Только малу царапину дала, невеликую:
Погодился мне, Самсону, крест на ворота —
Крест на ворота шести пудов.
Кабы не был крест да на моей груди,
Оторвала бы мне буйну голову.

Тут богатыри все святорусские
Скоро ведь седлали да добрых коней,
И садились молодцы да на добрых коней
И поехали раздольцем чистым полем
Ко тому ко городу ко Киеву,
Ко тем они силам ко татарским.
А со той горы да со высокой-то
Усмотрел ли старья казак да Илья Муромец,
А что едут ведь богатыри чистым полем,
А что едут ведь да на добрых конях.
И спустился он с горы высокой-то,
И подъехал он к богатырям ко святорусским —
Их двенадцать-то богатырей, Илья тринадцатый.

И приехали они ко силушке татарской,
Припустили коней богатырских,
Стали бить-то силушку татарскую,
Притоптали тут всю силушку великую
И приехали к палатке полотняной.

А сидит собака Калин-царь в палатке полотняной.
Говорят-то как богатыри да святорусские:
— А срубить-то буйную головушку
А тому собаке-царю Калину.

Говорил старой казак да Илья Муромец:
— А почто рубить ему да буйную головушку?

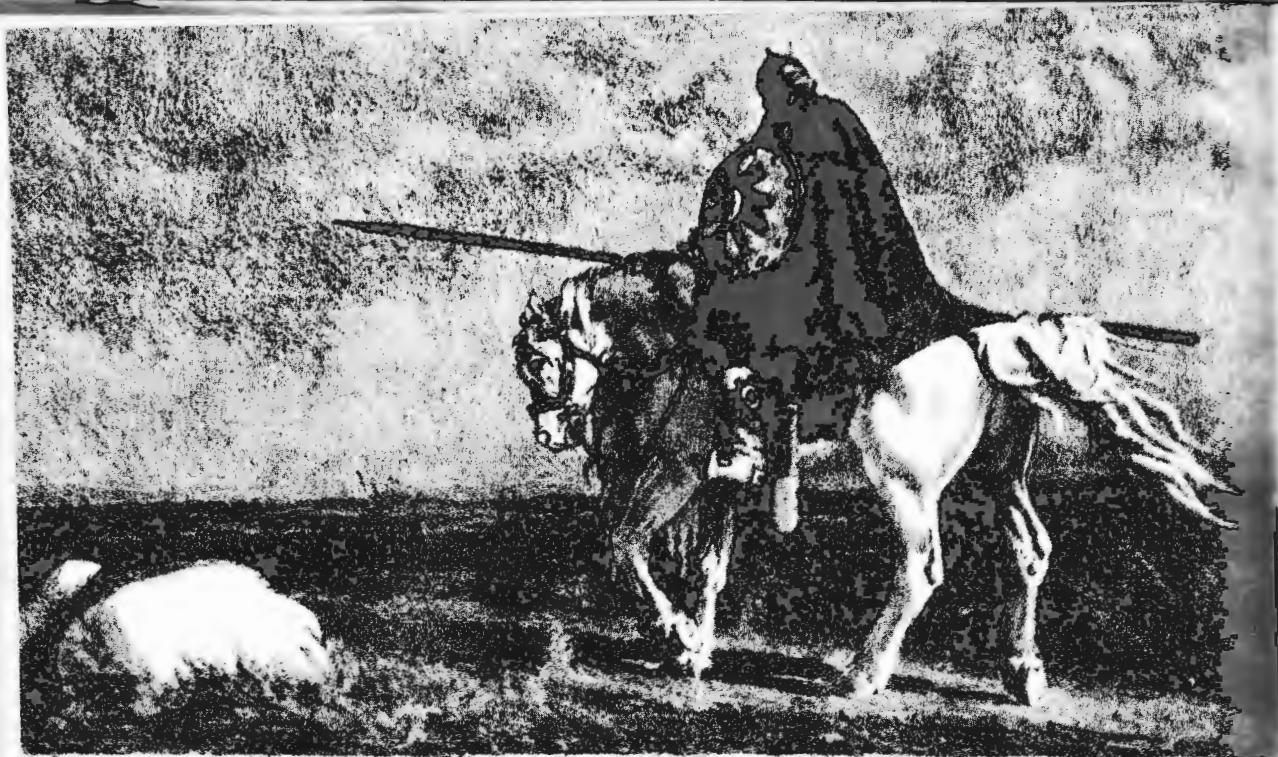
Мы свеземте-тко его во стольный Киев-град
Да й ко славному ко князю ко Владимиру.

Привезли его, собаку царя Калина,
А во тот во славный Киев-град
Да ко славному ко князю ко Владимиру,
Привели его в палату белокаменну
Да ко славному ко князю ко Владимиру.

Тут Владимир-князь да стольно-киевский
Он берет собаку за белы руки
И сажил его за столики дубовые,
Кормил его яствушкой сахарною
Да поил-то питьицем медвяным.
Говорил ему собака Калин-царь да таковы слова:
— Ай же ты, Владимир-князь да стольно-киевский,
Не сруби-тко мне да буйной головы!
Мы напишем промеж собой записи великие:
Буду тебе платить дани век и по веку
А тебе-то, князю, я Владимиру!

А тут той старинке и славу поют,
А по тых мест старинка и покончилась.

Прѣздки Ильи Муромца

Да ездил там стар по чисту полю,
От младости ездил до старости.
Да хорош был у старого добрый конь:
За реку-то перевоза мало спрашивал.

Да едет-то старый чистым полѣм
Да большою-то дорогою латынскою¹,

¹ «Дорогою латынскою». — Русские называли обычно восточных завоевателей — татарами-басурманами, а западных завоевателей — латынами (католиками). Латынская дорога — дорога, ведущая на запад.

Да наехал на дороге горюч камень ¹,
Да на камешке подпись подписана:
«Старому-де казаку да Илье Муромцу
Три пути пришло, дорожки широкие:
А во дороженьку-то ехать — убиту быть,
Во другую-то ехать — женату быть,
Да во третью-то ехать — богату быть».

Да сидит-де старик на добром коне,
Головой-то качат, приговариват:
— Да я сколько по святой Руси ни ездывал,
Такого-то чуда век не видывал.
Да на что мне-ко, старому, богатство?
Своего-де у меня много злата-серебра,
Да и много у меня скатного жемчуга.
Да на что мне-ко, старому, жениться?
Да жениться мне — не нажитися:
Молодую-то жену взять — чужа корысть,
Да мне-ко старой жены взять не хочется.

Да поехал в ту дорогу, где убиту быть.
Да наехал на дороге-то станицу разбойников,
Да разбойников стоит до пяти их сот,
Да хотят они у старого коня отнять.
Да сидит-де старик на добром коне
Да головой-то качат, приговариват:
— Да вы, разбойники братцы станичники!
Вам убить-де старика меня некого
Да отнять у старого нечего.
Да с собой у меня денег семь тысячей,
Да тесмяна узда в целу тысячу,

¹ Горюч камень, или бел-горюч камень в былинах имеет злое значение. Обычно около этого камня с богатырем случается несчастье. Бел-горюч камень, надо думать, — намогильный камень из известняка. В древности существовало представление о возможности воскрешения умерших людей. Для того чтобы эти люди не могли ожить и причинять зло живущим, могилы умерших закладывались камнями. Горючим намогильный камень назывался потому, что близкие умершего приходили на его могилу проливать горючие (горячие, жгучие) слезы.

Да ковано мое седло в девять тысячей,
Своему-то я добру коню цены не знай,
Да я цены не знай Бурку, не ведаю.
Да меж ушей у него скачен жемчуг,
Дорогое самоцветное камень —
Да не для-ради красы-басы молодецкой,
Для-ради темной ночки осенней,
Чтобы видеть, где ходит мой добрый конь.

Да говорят ему разбойники-станичники:
— Да ты, старая собака, седатый пес!
Да и долго ты стал разговаривать!

Да скочил-то старик со добра коня,
Да хватил-де он шапку со буйной головы,
Да и начал он шапкой помахивать.
Дак куда-де махнет — туда улица,
Да назад отмахнет — переулочки,
Да разбил он станицу разбойников,
Да разбойников разбил, подорожников.

Да поехал он ко Латырю-камешку
Да на камени подпись поднавливал:
«Да старому-де казаку а Илье Муромцу
На бою, старику, смерть не писана,
Да и та была дорожка прочищена».
Да и от стольного города от Киева,
Да от Киева лежит да к Чернигову,—
Да еще было дорожку изведати.
— Отчего старику будет жениться?
Да жениться мне — не нажитися.
Да молодую жену взять — чужа корысть,
Да мне старой жены взять не хочется.

Да поехал большою дорогою
Да наехал на дороге крепость богатырскую,
Да стоит тут церковь соборная,
Да соборная, богомольная.

От то́е-де обедни полудённыя
Идут двенадцать прекрасныя де́вицы,
Да посреди-то их идет королевична.
Говорила королева таковы слова:
— Ты, удалый дородный добрый мо́лодец,
Да пожалуй ко мне во высок терём,
Да напою-накормлю хлебом-солью.
Да соходил-де старик со добра́ коня́,
Да оставлял он добра́ коня́,
Не прикована да не привязана.

Да пошел-де старик во высок терём
Да мосты-то под старым качаются,
Переводинки перегибаются.
Да зашел-де старик во высок терём.
Да сажился за столы за бело́дубовы,
Да он ест-де, пьет, прохлаждается
Да весь долог день да до вечера.

Да выходит из-за стола из-за дубового,
Да и сам говорил таковы слова:
— Ты ли, душенька красная девушка!
Да где-ко здесь ло́жни теплые,
Да и где здесь кровати тесовые,
Где-ка мягкие перины пухо́вые?
Да мне на старость старику бы опочи́нуться...

Да привела его-де в ло́жни теплые.
Да стоит старый у кровати, головой качат,
Головой-то качат, приговариват:
— Да я сколько по святой Руси ни езживал,
Таково-то я-то чуда век не видывал.
Да, видно, эта кроватка подложная.

Да хватил королевну за белы́ руки
Да шибал ее ко стенке кирпичныя —
Обвернулася кроватка тесовая,
Да увалилася королева во глубо́к погреб.

Да выходил старик на улицу парадную
Да нашел двери глубокого погреба,
Да колодьем-то были призавалены
Да песками-то были призасыпаны.

Да он колодья ногами распихивал
Да пески-то руками распóрхивал
Да нашел двери глубокого погреба,
Да пинал ворота ногой вальячныя
Да с крюков, с замков двери вон выстáвливал
Да выпускал сорок царей, сорок царевичей,
Да и сорок королей-королевичей,
Сорок сильных, могучих богáтырей,
Да и сам говорил таковы слова:
— Да вы пóдьте, цари, по своим землям,
Да вы, короли, — по своим Литвам,
Да вы, богáтыри, — по своим местам.

Да идет душечка красная девушка,
Да он выдергивает саблю острую
Да срубил ей по плеч буйну голову.
Да садился старик на добрá коня,
Да приехал он ко Латырю-кáменю:
Да на кáмени подпись поднáвливал:
«Старым-де казаком да Ильей Муромцем
Да и та была дорожка прочищена».

Илья Муромец и Идолище Погоное

Как сильное, могуче-то Иванище,
Как он, Иванище, справляется,
Как он-то тут Иван да снаряжается
Идти к городу еще Ерусóлиму
Как господу там богу помолитися,
Во Ердань там реченьке купатися,
В кипарисном деревце сушитися,
Господнему да гробу приложитися.

А сильное-то, могуче Иванище —
У него лапотцы на ножках семи шелков,
Клюха-то у него ведь сорок пуд.
Как ино тут промеж-то лапотцы поплетены
Каменья-то были самоцветные.
Как в меженный день да шел он по красному
солнышку,
В осенню ночь он шел по дорогомю каменю
самоцветному.

Ино тут это сильное, могучее Иванище
Сходил к городу еще Ерусóлиму,
Там госпóду-то богу он молился есть,
Во Ердань-то реченьке купался он,
В кипарисном деревце сушился бы,
Господнему-то гробу приложился да.
Как тут-то он, Иван, поворот держал,
Назад-то он тут шел мимо Царь-от-град.
Как тут было еще в Царé-градé —
Наехало погано тут Идóлище,
Одолели как поганы все татарове.
Как скоро тут святые образа поколоты
Да в черны-то грязи были потоптаны,
В божьих-то церквах он начал тут коней кормить.
Как это сильно, могуче тут Иванище
Хватил-то он татарина под пазуху,
Вытащил погана на чистó полé,
А начал у поганого допрашивать:
— Ай же ты, татарин, да неверный был!
А ты скажи, татарин, не утай себя:
Какой у вас погано есть Идолище,
Велик ли то он ростом собой да был?

Говорит татарин таковы слова:
— Как есть у нас, погано есть Идолище:
В долину две сажени печатных,
А в ширину сажень была печатная,
А головище — что ведь лóто лохáлище,

А глазища — что пивные чашища,
А нос-от на роже — он с локоть был.

Как хватил-то он татарина тут за руку,
Бросил он его в чисто поле,
А разлетелись у татарина тут косточки.
Пошел-то тут Иванище вперед опять.
Идет он путем да дорожкой,
Навстречу тут ему встречается
Старый казак Илья Муромец.
— Здравствуй-ко ты, старый казак Илья Муромец!

Как он его ведь тут еще здоровствует:
— Здравствуй, сильное, могуче ты Иванище!
Ты откуль идешь, ты откуль бредешь,
А ты откуль еще свой путь да держишь?

— А я бреду, Илья Муромец,
От того я города Ерусалима.
Я там был, ино господу богу молился там,
Во Ердань-то реченьке купался там,
А в кипарисном деревце сушился там,
Ко господнему гробу приложился там,
Как скоро я назад тут поворот держал,
Шел-то я назад мимо Царь-от-град.

Как начал тут Ильюшенька допрашивать,
Как начал тут Ильюшенька доведывать:
— Как все ли то в Царь-граде по-старому,
Как все ли то в Царь-граде по-прежнему?

А говорил тут Иван таковы слова:
— Как в Царь-граде-то нынче не по-старому,
В Царь-граде-то нынче не по-прежнему.
Одолели есть поганые татарове,
Наехал есть поганое Идóлище,
Святые образа были поколоты,
В черные грязи были потоптаны,
Да во божьих церквах там коней кормят.

— Дурак ты, сильное, могуче Иванище!
Силы у тебя есть с два меня —
Смелости, ухватки половинки нет.
За первые бы речи тебя жаловал —
За эти бы тебя й наказывал
По тому-то по телу по нагому!
Зачем же ты не выручил царя-то Константина
Боголюбова?

Как ино скоро разувай же с ног,
Лапотцы разувай семи шелкóв,
А обувай мои башмачики сафьянные.
Сокручусь я каликой перехожею.

Сокрутился он каликой перехожею,
Дават-то ему тут своего добра коня:
— На-ко, сильное, могуче ты Иванище,
А на-ко ведь моего ты да добра коня —
Хоть ты ездил, хоть водкóм води,
А только еще, сильное, могуче ты Иванище.
Живи-то ты на условном этом мёстечке,
А живи-тко ты еще, ожидай меня,
Назад-то сюда буду я обратно-то.
Давай сюда клюку-то мне-ка сорок пуд.

Не дойдет тут Ивану разговаривать,
Скоро подават ему клюку свою сорок пуд,
Взимат-то он от него тут добра коня.
Пошел тут Ильюшенька скорым-скоро
Той ли то каликой перехожею.

Как тут-то ведь еще Илья Муромец,
Заходит Ильюшенька во Царь-от-град.
Закричал Илья тут во всю голову:
— Ах ты, царь да Константин Боголюбович!
А дай-ка мне, калике перехожию,
Злата мне, милóстыню спасёную!

Как ино царь-от Константин он Боголюбovich
Он-то ведь тут уж радуется.

Как тут в Царё-градé от крика от каличьего
Терема-то ведь тут пошаталися,
Хрустальные оконнички посыпались,
Как у поганого сердечко тут ужáхнулось.
Как говорит поганый таковы слова:
— А царь ты, Константин Боголюбov был!
Какой это калика перехожая?

Говорит тут царь Константин таковы слова:
— Это есте русская калика здесь.

— Возьми-ко ты каликушку к себе его,
Корми-ко ты каликушку да пои его,
Надай-ко ему злата-серебра,
Надай-ко ему злата ты дóлюби.

Взимал он, царь Константин Боголюбovich,
Взимал он тут каликушку к себе его
В особый-то покой да в потайныя,
Кормил-поил калику, радуется,
И сам-то он ему воспрогóворит:
— Да не красное ль то солнышко порóспекло,
Не млад ли здесь светел месяц порóссветил?
Как нунечку-теперечку здесь еще,
Как нам еще сюда показался бы
Как старый казак здесь Илья Муромец.
Как нунь-то есть было теперечку
От тьи беды он нас повыручит,
От тьи от смерти безнапрасныя!

Как тут это поганое Идóлище
Взимает он калику на допрос к себе:
— Да ай же ты, калика, была русская!
Ты скажи, скажи, калика, не утай себя:
Какой-то на Руси у вас богáтырь есть,
А старый казак есть Илья Муромец?

Велик ли он ростом, по многу ль хлеба ест,
По многу ль еще пьет зеленá вина?

Как тут эта калика было русская,
Начал он, калика, тут высказывать:
— Да ай же ты, поганое Идóлище!
У нас-то есть во Кieve
Илья-то ведь да Муромец
А волосом да возрастом равнým с меня,
А мы с ним были братица крестовые;
А хлеба ест как пó три-то калачика крупичатых,
А пьет-то зеленá вина на три пятачка на медных.

— Да черт-то ведь во Кieve-то есть, не богатырь был!
А был бы то ведь здесь да богатырь тот,
Как я бы тут его на ладонь-то клал,
Другой рукой опять бы сверху прижал,
А тут бы еще да ведь блин-то стал —
Дунул бы его во чистó полé!
Как я-то еще ведь, Идóлище,
А росту две сажени печатных,
А в ширину-то ведь сажень была печатная.
Головище у меня — да что люто лохалище,
Глазища у меня — да что пивные чашища,
Нос-от ведь на роже — с локоть был.
Как я-то ведь да к вýти хлеба ем
А ведь по три-то печи печонных,
Пью-то я еще зеленá вина
А по три-то ведра я ведь мерных,
Как щей-то я хлебаю — по яловице есть русския.

Говорит Илья тут таковы слова:
— У нас, как у попа было ростовского,
Как была что корова обжориста,
А много она ела, пýла — тут и треснула;
Тебе-то, поганому, да так же быть.

Как этии тут речи не слюбились,
Поганому ему не к лицу пришли.

Хватил как он ножище тут, кинжалище
Со того стола со дубового,
Как бросил он во Илью Муромца,
Что в эту калику перехожую.

Как тут-то ведь Илье не дойдет сидеть,
Как скоро он от ножика отскакивал,
Колпаком тот ножик приотваживал.
Как пролетел тут ножик да мимо-то,
Ударил он во дверь во дубовую,
Как выскочила дверь тут с ободвериной,
Улетела тая дверь да во сени-то,
Двенадцать там своих да татаровей
Намертво убило, других ранило,
Как остальные татары проклинаят тут:
— Буди трижды проклят, наш татарин ты!

Как тут опять Ильюше не дойдет сидеть,
Скоро он к поганому подскакивал,
Ударил как клюкой его в голову —
Как тут-то он, поганый, да захамкал есть.

Хватил затем поганого он за ноги,
Как начал он поганым тут помахивать —
Помахиват Ильюша, выговариват:
— Вот мне-ко, братцы, нынче оружие по плечу
пришло!

А бьет-то, сам Ильюша выговариват:
— Крепок-то поганый сам на жилочках,
А тянется поганый, сам не рвется.

Начал он поганных тут охаживать
Как этим поганым Идблищем.
Прибил-то он поганных всех в три часа,
А не оставил тут поганого на семена.

Как царь тут Константин-от Боголюбovich
Благодарствует его, Илью Муромца:

— Благодарим тебя, ты старый казак Илья Муромец,

Нонь ты нас еще да повыручил,
А нонь ты нас еще да повыключил
От тьи от смерти безнапрасныя.
Ах ты, старый казак да Илья Муромец!
Живи-тко ты здесь у нас на жительство,
Пожалую тебя воеводою.

Как говорит Илья ему Муромец:

— Спасибо, царь ты Константин Боголюбovich!

А послужил у тя только я три часа,
А выслужил у тя хлеб-соль мягкую,
Да я у тя еще слово гладкое,
Да еще уветливо да приветливо.
Служил-то я у князя Володимира,
Служил я у него ровно тридцать лет.
Не выслужил-то я хлеба-соли там мягкия,
А не выслужил-то я слова там гладкого,
Слова у него я уветлива есть приветлива.
Да ах ты, царь Константин Боголюбovich!
Нельзя-то ведь еще мне здесь-ка жить,
Нельзя-то ведь-то было, невозможно есть:
Оставлен есть оста́виш на дороженьке.

Как царь-то Константин Боголюбovich
Насы́пал ему чашу красна золота,
А другую-то чашу скатна жемчуга,
Третью еще — чиста сѣребра.
Как принимал Ильюшенька, взимал себе,
Высыпал-то в карман злато-сѣребро,
Тот ли то этот скатный жемчужок,
Благодарил-то он тут царя Константина Боголюбова:
— Это ведь мое-то заработное.

Как тут-то с царем Константином распростилися,
Тут скоро Ильюша поворот держал.

Придет он на условно это мѣстечко —
Ажно тут Иванище притаскано
Да ажно тут Иванище придерзано¹.

Как и приходит тут Илья Муромец,
Скидывал он с себя платья-то калічии,
Разувал лапотцы семи шелков,
Обувал на ножки-то сапожки сафьянные,
Надевал на ся платица цветные,
Взимал тут он к себе своего добра коня,
Садился тут Илья на добра коня,
Тут-то он с Иванищем еще распрощается:
— Прощай-ко нунь ты, сильное, могуче Иванище!
Вперед ты так да больше не делай-ко,
А выручай-ко ты Русию от поганных.

Да поехал тут Ильюшенька во Киев-град.

¹ «Да ажно тут Иванище придерзано» — то есть одежда его истаскана и порвана.

Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром

З тот ли то князь да стольно-киевский
А й сделал, как задернул свой почестный пир
Для князей, для бояр да для богатырей,
А для тех богатырей да русских,
Чтобы всяко звание да шло туда
А на тот, на тот да на почестный пир
А к стольному князю ко Владимиру.
Да забыл он позвать да что лучшего,
А что лучшего, да лучшего богатыря,
А старого казака Илью Муромца.

Да тут-то ведь Ильюше не к лицу пришло,
А тут-то Илья да раззадорился,
А тут-то Илья да разретивился.

Как скоро натянул он свой тугой лук,
А клал он тут стрелочку каленую,
А тут-то сам Ильюшенька раздумался:

«А что мне, мóлодцу, будет поделати?
А я нынь, мóлодец, есть разгневанный,
А я нынь, мóлодец, есть раздраженный!»

Как он-то затем тут повыдумал,
А стрелйл-то он тут по божьим церквám,
А по тем стрелйл по чудным крестам,
А по тем маковкам золоченым.
Да пали тут тьи маковки,
Да пали тут, отпали на сырú землЮ.
Да сам он закричал тут во всю голову:
— Да ай же вы были, голи мои,
А голи мои вы кабацкие,
А доброхоты-то вы еще царские!
А собирайтесь-ко вы да сюда-то все,
А обирайте маковки все золоченые,
А пойдете-ко вы да со мной еще,
А то да на тот да на царев кабак!¹
Как станем нунь пить да зеленá вина,
Да станем-то пить да заодно со мной!

А голи были они кабацкие,
А доброхоты всё были царские,
Обирали маковки тьи золоченые,
Сами они к нему да прибегают все:
— А батюшка ты да отец наш был!
А пили тут они да зеленó вино,
Как пили тут они да заоднёшенько.

¹ «На царев кабак». — Кабаки на Руси были введены при Иване IV, в 1555 году. Хотя в то время кабаки были собственностью государя, но они сдавались на откуп торговым людям, которые и считались владельцами кабаков. В 1652 году, при царе Алексее Михайловиче, откупа были запрещены, и кабаки фактически стали принадлежать только казне, царю. Изображая кабак, былина допускает явный анахронизм. Киевская Русь кабаков не знала.

Да как видит-то князь, что беда пришла,
А беда-то пришла да неминучая,
Да как тут-то он да скорым-скоро,
А скорым-скоро, скоро-скорёшенько
А сделал он, задернул тут почестный пир
А для старого казака Ильи Муромца.

А тут-то ведь князь да стольно-киевский
Да тут-то ведь он еще думал есть
Со князьями, со боярами российскими,
А со теми со могучими богатырьми:
— А думайте-тко, братцы, вы нунь думушку,
А думайте-тко, братцы, думу крепкую,
А думайте думу, не продумайте.
А нам кого будет послать да Илью позвать,
А позвать сюда к нам на почестный пир
А старого казака Илью Муромца?

А как тут-то они да думу думали:
— А нам есть кого послать Илью позвать.
А пошлем-ка мы Добрынюшку Никитича —
Он ему да ведь крестовый брат,
А крестовый-то братец да названный,
Дак он-то, бывает, его послушает.

Как тут-то Добрынюшка Никитинец
А приходит-то он к братцу да крестовому,
Да как здоровствует он братца да крестового:
— Ай здравствуй-ко, брат мой крестовый!

— А молодой Добрынюшка Никитинец,
Ты зачем же пришел да загулял сюда?

— А пришел-то я, братец, загулял к тебе,
А о деле-то пришел, да не о малом.
Да у нас-то с тобой было раньше того.
А раньше того дело поделано,
А подписи были подписаны,

А заповеди да положенные:
А слушать-то брату да меньшему,
А меньшему слушать брата большего.
Да еще-то как у нас да есть с тобой:
А слушать-то брату ведь большему,
А й большему слушать брата меньшего.

Да тут говорит Илья таковы слова:
— Ах ты, братец да мой да был крестовый!
Да как нунечку-теперичку у нас с тобой
А все-то подписи да были ведь подписаны,
А заповеди были ведь положены:
А слушать-то брату ведь меньшему,
А меньшему слушать да большего,
А большему слушать да брата меньшего.
Кабы не братец ты крестовый был,
А никого бы я не послушал здесь!
Дак послушаю я братца нунь крестового,
А крестового братца я названого.
А тот ли то князь стольно-киевский
А знал-то, кого послать меня позвать!
Когда ты меня, Добрынюшка Никитинец,
Меня позвал туда да на почестный пир,
Да я тебя, братец же, послушаю.

Да приходит он к князю к Владимиру,
Да тот старый казак да Илья Муромец,
А со тем с Добрынюшкой с Никитичем,
А со братом со своим да со крестовым.
А дают ему тут место не меньшее,
А не меньшее место было — большее,
А сядят-то их во большой угóл,
А во большой угóл да за большой-от стол.
Да как налили тут чару зеленá вина,
А несли эту чару рядóм к нему,
А к старому казаку к Илье к Муромцу.
Да как принял он чару единой рукой,
А выпил он чару во единый здох.

А другú наливали пива пѣяного,
А несли эту чару рядóм к нему.
А принял тут Ильюша единóй рукой,
Еще выпил он опять тут во единый здох.
Как третью наливали меда сладкого —
Да принял мóлодец тут единóй рукой,
Еще выпил он опять тут во единый здох.
Тут наелися, напились все, накушались,
Да сгали тут они да все пьянешеньки,
А стали тут они все веселешеньки.
Как говорит Илья тут таковы слова :
— Ай же ты, князь стольно-киевский!
А знал-то, кого послать меня позвать.
А послал-то братца ко мне крестового,
А того-то мне Добрынюшку Никитича.
Кабы то мне да ведь не братец был,
А никого-то я да не послушал здесь.
А скоро натянул бы я свой тóгой лук
Да клал бы я стрелочку каленую
Да стрелил бы я в гридню во столовую,
А я убил бы тебя, князя, со княгинею.
За это я тебе-то нунь прощу
За эту вину да ту великую!

Добрыня и Змей

Добрынюшке-то матушка говаривала,
Да й Никитичу-то матушка наказывала:
— Ты не езд-ко далече во чистó полé,
На тую горú да сорочíнскую¹,
Не топчи-ко млáдых змеёнышей,
Ты не выручай-ко пóлонов да русских,
Не куплись², Добрыня, во Пучай-реке,

¹ «Ты не езд-ко... на тую горú да сорочíнскую». — Сорочины, или сарацины, — древнее название арабов. Сарачинские (сарацинские) горы в былинах упоминаются часто; о каких конкретно горах идет речь, неясно.

² Не куплись — не купайся.

Но Пучай-река очень свирепая,
Но середняя-то струйка, как огонь, сечет!

А Добрыня своей матушки не слушался.
Как он едет далече во чисто поле,
А на тую на горю сорочинскую.
Потоптал он младых змеёнышей.
А й повыручал он полонов да русских.

Богатырско его сердце распотелось,
Распотелось сердце, нажаделось —
Он приправил своего добра коня,
Он добра коня да ко Пучай-реке,
Он слезал, Добрыня, со добра коня,
Да снимал Добрыня платье цветное,
Да забрел за струечку за первую,
Да забрел за струечку за среднюю
И сам говорил да таковы слова:
— Мне, Добрынюшке, матушка и говаривала,
Мне Никитичу, маменька й наказывала:
Что не езд-ко далече во чисто поле,
На тую горю на сорочинскую,
Не топчи-ко младых змеёнышей,
А не выручай полонов да русских,
И не куплись, Добрыня, во Пучай-реке,
Но Пучай-река очень свирепая,
А середняя-то струйка, как огонь, сечет!
А Пучай-река — она кротка-смирна,
Она будто лужа-то дождевая!

Не успел Добрыня словцо смолвити —
Ветра нет, да тучу нанесло,
Тучи нет, да будто дождь дождит,
Ай дождя-то нет, да только гром гремит,
Гром гремит да свищет молния. —
А как летит Змеище Горынчище
О тых двенадцати о хоботах.
А Добрыня той Змеи да приужахнется.

Говорит Змея ему проклятая:

— Ты тепереча, Добрыня, во моих руках!
Захочу — тебя, Добрыня, теперь потоплю,
Захочу — тебя, Добрыня, теперь съем-сожру,
Захочу — тебя, Добрыня, в хобота возьму,
В хобота возьму, Добрыня, во нору снесу!

Припадает Змея как ко быстрѣй реке,
А Добрынюшка-то плавать он горазд ведь был:
Он нырнет на бережек на тамошний,
Он нырнет на бережек на здешний.
А нет у Добрынюшки добра коня,
Да нет у Добрыни платьев цветных —
Только-то лежит один пухов колпак,
Да насыпан тот колпак да земли греческой;
По весу тот колпак да в целых три пуда.

Как ухватит он колпак да земли греческой,
Он шибнет во Змею да во проклятую —
Он отшиб Змеи двенадцать да всех хоботов.

Тут упала-то Змея да на ковыль-траву.
Добрынюшка на ножку он повѣрток был,
Он скочил на змеиные да груди белые.
На кресте-то у Добрыни был булатный нож —
Он ведь хочет распластать ей груди белые.
А Змея Добрыне ему взмолилася:
— Ах ты, эй, Добрыня сын Никитинич!
Мы положим с тобой заповедь великую:
Тебе не ездити далече во чисто поле,
На тую на гору сорочинскую,
Не топтать больше млáдых змеёнышей
А не выручать по́лонов да русских,
Не купаться ти, Добрыне, во Пучай-реке.
И мне не летать да на святую Русь,
Не носить людей мне больше русских,
Не копить мне по́лонов да русских.

Он повыпустит Змею как с-под колен своих —
Поднялась Змея да вверх под облако.

Случилось ей летать да мимо Киев-града.
Увидала она князеву племянницу,
Молодú Забаву дочь Потятичну,
Идучи по улице по шíрокой.
Тут припадаёт Змея да ко сырой земле,
Захватила она князеву племянницу,
Унесла в нору да во глубокую.

Тогда солнышко Владимир стольно-киевский
А он по три дня да тут былиц клика́л¹,
А былиц кликал да славных рыцарей:
— Кто бы мог съездить далече во чистó полé,
На туó на горú сорочíнскую,
Сходить в нору да во глубокую,
А достать мою, князеву, племянницу,
Молодú Забаву дочь Потятичну?

Говорил Алешенька Левонтьевич:
— Ах ты, солнышко Владимир стольно-киевский!
Ты накинь-ко эту службу да великую
На того Добрыню на Никитича:
У него ведь со Змеею заповедь положена,
Что ей не летать да на святую Русь,
А ему не ездить далече во чистó полé,
Не топтать-то млáдых змеенышей
Да не вёручать пóлонов да русских.
Так возьмет он князеву племянницу,
Молодú Забаву дочь Потятичну,
Без бою, без драки-кроволития.

Тут солнышко Владимир стольно-киевский
Как накинул эту службу да великую

¹ «А он по три дня да тут былиц клика́л». — Былица (от «билъе», «былье» — растение, коренья) — волшебница, гадающая по травам. Владимир скликал волшебниц, которые бы указали, где находится Забава.

На того Добрыню на Никитича —
Ему съездить далече во чистó полé
И достать ему князеву племянницу,
Молодú Забаву дочь Потятичну.

Он пошел домой, Добрыня, закручинился,
Закручинился Добрыня, запечалился.
Встречает государыня да рóдна матушка.
Та честна вдова Офимья Александровна:
— Ты эй, рождéно мое дитятко,
Молодой Добрыня сын Никитинец!
Ты что с пиру идешь не весел-де?
Знать, что место было ти не пó чину,
Знать, чарой на пиру тебя приóбнесли
Аль дурак над тобою насмеялся-де?

Говорил Добрыня сын Никитинец:
— Ты эй, государыня да рóдна матушка,
Ты честна вдова Офимья Александровна!
Место было мне-ка пó чину,
Чарой нá пиру меня не óбнесли
Да дурак-то надо мной не насмеялся ведь.
А накинул службу да великую
А то солнышко Владимир стольно-киевский.
Что съездить далече во чистó полé,
На тую горú да на высокую,
Мне сходить в нору да во глубокую,
Мне достать-то князеву племянницу,
Молодú Забаву дочь Потятичну.

Говорит Добрыне рóдна матушка,
Честна вдова Офимья Александровна:
— Ложись-ко спать да рано с вечера,
Так утро будет очень мудрое —
Мудренее утро будет оно вечера.

Он ставал по утрушку ранёшенько,
Умывается да он белёшенько,

Снаряжается он хорошихонько.
Да идет на конюшню на стоялку,
А берет в руки узду он да тесьманую,
А берет он дедушкова да ведь добра коня.
Он поил Бурка питьем медвяным,
Он кормил пшеной да белояровой,
Он седлал Бурка в седельшко черкасское,
Он потнички да клал на потнички,
Он на потнички да кладет войлочки,
Клал на войлочки черкасское седельшко,
Всех подтягивал двенадцать тугих подпругов,
Он тринадцатый-от клал да ради крепости,
Чтобы добрый конь-от с-под седла не выскочил,
Добра молодца в чистом поле не вырутил.
Подпруги были шелковые,
А шпеньки у подпруг все булатные,
Пряжки у седла да красна золота —
Тот да шелк не рвется, да булат не трется,
Красно золото не ржавеет,
Молодец-то на коне сидит да сам не стареет.
Поезжал Добрыня сын Никитинец,
На прощанье ему матушка да плетку подала,
Сама говорила таковы слова:
— Как будешь далече во чистом поле,
На тый горы да на высокия,
Потопчешь молодых змеенышей,
Повыручишь болонов русских,
Как тии-то молодые змееныши
Подточат у Бурка как они щеточки,
Что не сможет больше Бурушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать,
Ты возьми-ко эту плеточку шелковую
А ты бей Бурка да промежу ног,
Промежу ног да промежу уш, —
Промежу ног да межу задние, —
Станет твой Бурушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать —
Ты притопчешь всех да до единого.

Как будет он а далече во чистом полѣ,
На тый горы да на высокия,
Потоптал он млáдых змеѣнышей,
Как тыи ли млáдые змееныши
Подточили у Буркá как они щеточки,
Что не может больше Бúрушко поскакивать,
Змеенышей от ног да он отряхивать.
Тут молодой Добрыня сын Никитинец
Берет он плеточку шелковую,
Он бьет Буркá да промежú ушй,
Промежú ушй да промежú ноги,
Промежú ногй да мѣжу задние.
Тут стал его Бúрушко поскакивать,
А змеенышей от ног да он отряхивать,
Притоптал он всех да до единого.

Выходила как Змея она проклятая
Из тый норы да из глубокия,
Сама говорит да таковы слова:
— Ах ты, эй, Добрынюшка Никитинец!
Ты, знать, порушил свою заповедь.
Зачем стоптал млáдых змеѣнышей,
Почто выручал пóлоны да русские?

Говорил Добрыня сын Никитинец:
— Ах ты, эй, Змея да ты проклятая!
Ты зачем взяла князеву племянницу?
Ты отдай же мне-ко князеву племянницу
Без боя, без драки-кроволития.

Тогда Змея она проклятая
Говорила-то Добрыне да Никитичу:
— Не отдам я тебе князевой племянницы
Без боя, без драки-кроволития!

Заводила она бой-драку великую.
Они дрáлись со Змеею тут трой сутки,
Но не мог Добрыня Змею перебить.

Хочет тут Добрыня от Змеи отстать —
Как с небес Добрыне ему глас гласит:
— Молодой Добрыня сын Никитинец!
Дрался со Змеею ты трой сутки,
Подерись со Змеей еще три часа:
Ты побьешь Змею да ю, проклятую! ¹

Он подрался со Змеею еще три часа,
Он побил Змею да ю, проклятую.
Та Змея, она кровью пошла.
Стоял у Змеи он тут трой сутки,
А не мог Добрыня-от крови переждать.
Хотел Добрыня от крови отстать,
Но с небес Добрыне опять глас гласит:
— Ах ты, эй, Добрыня сын Никитинец!
Стоял у крови ты тут трой сутки —
Постой у крови да еще три часа,
Бери свое копье да Мурзаецкое
И бей копьем да во сырú землю,
Сам копью да приговаривай:
«Расступись-ко, матушка сыра земля,
На четыре расступись да ты на четверти!
Ты пожри-ко эту кровь да всю змеиную!»

Расступилась тогда матушка сыра земля,
Пожрала она кровь да всю змеиную.

Тогда Добрыня во нору пошел,
Во тый в норы да во глубокия.
Там сидит сóрок царей, сóрок царевичей,
Сóрок королей да королевичей,
А простой-то силы — той и сметы нет ².

¹ «Ты побьешь Змею да ю, проклятую». — «Ю» — древняя форма винительного падежа местоимения «она» («ее»).

² «А простой-то силы — той и сметы нет». — Когда Добрыня вошел в нору змеиную, то увидел в ней неисчислимое количество пленников (полонов русских), которых нельзя даже было сметить, то есть переесчитать.

Тогда Добрынюшка Никитинец
Говорил-то он царям да он царевичам
И тем королям да королевичам:
— Вы идите нынѣ туда, откель принѣсены
А ты, мѡлода Забава дочь Потятична, —
Для тебя я ѡдак теперь странствовал —
Ты поедѣм-ко ко граду ко Киеву
А ѣ ко ласковому князю ко Владимиру.

И повѣз молодѣу Забаву дочь Потятичну

Алеша Попович и Тугарин Змеевич

Из славного Ростова красна города
Как два ясные сокола вылётывали —
Выезжали два могучие богатыря:
Что по имени Алешенька Попович млад
А со молодым Якимом Ивановичем.
Они ездят, богатыри, плечо о плечо,
Стремено в стремено богатырское.

Они ездили-гуляли по чисту полю,
Ничего они в чистом поле не наезживали,
Не видали они птицы перелетная,
Не видали они зверя рысучего.
Только в чистом поле наехали —
Лежат три дороги широкие,

Промежѹ тех дорог лежит горѹч камѣнь,
А на камени подпись подписана.

Взговорит Алеша Попович млад:
— А и ты, братец Яким Иванович,
В грамоте поучѣнный человек,
Посмотри на камени подписи,
Что на камени подписано.

И скочил Яким со добра коня,
Посмотрел на камени подписи.
Расписаны дороги широкие:
Первая дорога в Мурѣм лежит,
Другая дорога — в Чернигов-град,
Третья — ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
Говорил тут Яким Иванович:
— А и братец Алеша Попович млад,
Которой дорогой изволишь ехать?

Говорил ему Алеша Попович млад:
— Лучше нам ехать ко городу ко Киеву,
Ко ласкову князю Владимиру.
В те поры поворотили добрых коней
И поехали они ко городу ко Киеву.

Не доехавши они до Сафат-реки¹,
Становились на лугах на зеленых:
Надо Алеше покормить добрых коней.
Расставили тут два белы шатра,
Что изволил Алеша опочив держать.
А и мало время позамешкавшись,
Молодой Яким со добра коня,
Стреноживши, в зелен луг пустил,
Сам ложился в свой шатер опочив держать.

¹ Сафат-река — вымышленная река, упоминаемая только в былинах.

Прошла та ночь осенняя.
Ото сна Алеша пробуждается,
Встает рано-ранёшенько,
Утренней зарей умывается,
Белою ширинкой утирается,
На восток он, Алеша, богу молится.
Молодой Яким сын Иванович
Скоро сходил по добрых коней,
А сводил он поить на Сафат на реку.
И приказал ему Алеша
Скоро седлать добрых коней.
Оседлавши он, Яким, добрых коней,
Наряжаются они ехать ко городу ко Киеву.

Пришел тут к ним калика перехожая:
Лапотки на нем семи шелков,
Подковырены чистым серебром,
Личико унизано красным золотом,
Шуба соболиная долгополая,
Шляпа сорочѣнская земли греческой,
В тридцать пуд шелепуга подорожная,
В пятьдесят пуд налита свинца чебурацкого.
Говорил таковы слова:

— Гой вы еси, удалы добры молодцы!
Видел я Тугарина Змеевича:
В вышину ли он, Тугарин, трех сажѣн,
Промежѣ плечей — косая сажѣнь,
Промежѣ глаз — каленá стрела;
Конь под ним — как лютый зверь,
Из хайлища пламень пышет,
Из ушей дым столбом стоит.

Привязался Алеша Попович млад:
— А и ты, братец калика перехожая,
Дай мне платье каличѣе,
Возьми мое богатырское:
Лапотки свои семи шелков,
Подковырены чистым серебром,

Личико унизано красным золотом,
Шубу свою соболиную долгополую,
Шляпу сорочѣнскую земли греческой,
В тридцать пуд шелепѹгу подорожную,
В пятьдесят пуд налиту свинца чебурацкого.

Дает свое платьѣ калика Алеше Поповичу
Не отказываючи, а на себя надевал
То платьѣ богатырское.

Скоро Алеша каликою наряжается
И взял шелепѹгу дорожную,
Котора была в пятьдесят пуд,
И взял в запас кинжалище булатное,
Пошел за Сафѣт-реку.

Завидел тут Тугарин Змеевич млад,
Заревел зычным голосом —
Продрогнула дубровушка зеленая,
Алеша Попович едва жив идет.

Говорил тут Тугарин Змеевич млад:
— Гой еси, калика перехожая!
А где ты слышал и где видал
Про молода Алешу Поповича?
А и я бы Алешу копьем заколол,
Копьем заколол и огнем спалил.

Говорит тут Алеша каликою:
— Ай ты ой еси, Тугарин Змеевич млад!
Поезжай поближе ко мне —
Не слышу я, что ты говоришь.

И подъезжал к нему Тугарин Змеевич млад.
Сверстался Алеша Попович млад
Против Тугарина Змеевича,
Хлестнул его шелепѹгою по буйной голове,
Расшиб ему буйну голову,
И упал Тугарин на сырѹ землѹ.

Скочил ему Алеша на черну грудь.
В те поры взмолился Тугарин Змеевич млад:
— Гой еси ты, калика перехожая!
Не ты ли Алеша Попович млад?
Только ты — Алеша Попович млад,
Сем побратуемся с тобой.

В те поры Алеша врагу не веровал.
Платье с него снимал цветное
На сто тысячей и всё платье на себя надевал.
Садился на его добра коня
И поехал к своим белым шатрам.

В те поры увидели Яким Иванович
И калика перехожая,
Испугались его, сели на добрых коней,
Побежали ко городу Ростову.
И настигает их Алеша Попович млад.
Обернется Яким Иванович —
Он выдергивал палицу боевую в тридцать пуд,
Бросил назад себя:
Показалось ему, что Тугарин Змеевич млад,
И угодил в груди белые Алеши Поповича,
Сшиб из седелечка черкасского,
И упал он на сырую землю.

В те поры Яким Иванович
Скочил с коня доброго, сел на грудь ему,
Хочет пороть груди белые —
И увидел на нем золот чуден крест,
Сам заплакал, говорил калике перехожему:
— По грехам надо мною, Якимом, учинилось,
Что убил своего братца родимого!

И стали его оба трясти и качать
И потом подали ему питья заморского —
От того он здрав стал.

Стали они говорить и между собою платье менять:
Калика свое платье надевал каличее,
А Алеша свое богатырское.
Сели они на добрых коней
И поехали все ко городу ко Киеву,
Ко ласковому князю Владимиру.

А и будут они в городе Киеве
На княженицком дворе,
Скочили со добрых коней,
Привязали к дубовым столбам,
Пошли во светлы гридни,
Молятся спасову образу.
И бьют челом, поклоняются
Князю Владимиру и княгине Апраксеевне
И на все четыре стороны.

Говорил им ласковый Владимир-князь:
— Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитесь, как вас по имени зовут —
А по имени вам можно место дать,
По отчеству можно пожаловать.

Говорит тут Алеша Попович млад:
— Меня, осударь, зовут Алешей Поповичем,
Из города Ростова, старого попа соборного.

В те поры Владимир-князь обрадовался,
Говорил таковы слова:
— Гой еси, Алеша Попович млад!
По отчеству садися в большое место¹,
в передний уголок,

В другое место богатырское,
В дубовую скамью против меня,
В третье место, куда сам захошь. —

¹ «По отчеству садися в большое место». — По отчеству —
здесь: по роду, знатности, происхождению.

Не садился Алеша в место большее
И не садился в дубову скамью —
Сел он со своими товарищами на палатный брус¹.

Мало время позамешкавши,
Несут Тугарина Змеевича
На той доске красна золота
Двенадцать могучих богатырей,
Сажали в место большее,
И подле него сидела княгиня Апраксеевна.
Тут повары были догадливы —
Понесли яства сахарные и питья медвяные,
А питья всё заморские,
Стали пить-есть, прохлаждатися.

А Тугарин Змеевич нечестно хлеба ест,
По целой ковриге за щеку мечет —
Те ковриги монастырские,
И нечестно Тугарин питья пьет —
По целой чаше охлестывает,
Котора чаша в полтретья ведра.

И говорит в те поры Алеша Попович млад:
— Гой еси ты, ласковый сударь Владимир-князь!
Что у тебя за болван пришел?
Что за дурак неотёсанный?
Нечестно у князя за столом сидит,
Княгиню он, собака, целует во уста сахарные,
Тебе, князю, насмехается.
А у моего сударя-батюшки
Была собачища старая,

¹ «Сел он со своими товарищами на палатный брус». — Сказитель-крестьянин полагал, что княжеский терем устроен так же, как крестьянская изба. Палаты (полаты) в крестьянской избе — помост между полом и потолком на высоте не ниже роста человека. Палаты обычно занимали часть избы от печи до противоположной стены. Крепились палаты на палатном столбе и палатном брусу. Обычно во время праздников на палатах находились дети и посторонние люди. Алеша, чтобы не обращать на себя внимание, решил сесть на самое скромное место — на палатный брус.

Насилу по подстолю таскалася,
И костью та собака подавилася —
Взял ее за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет. —
Тугарин почернел, как осення ночь.
Алеша Попович стал как светел месяц.

И опять в те поры повары были догадливы —
Носят яства сахарные и принесли лебедушку белую.
И ту рушала княгиня лебедь белую,
Обрезала рученьку левую,
Завернула рукавцем, под стол опустила,
Говорила таковы слова:
— Гой еси вы, княгини-боярыни!
Либо мне резать лебедь белую,
Либо смотреть на мил живот,
На молода Тугарина Змеевича!

Он, взявши, Тугарин, лебедь белую,
Всю вдруг проглотил,
Еще ту ковригу монастырскую.

Говорит Алеша на палатном брусѹ:
— Гой еси, ласковый осударь Владимир-князь!
Что у тебя за болван сидит?
Что за дурак неотёсанный?
Нечестно за столом сидит,
Нечестно хлеба с солью ест —
По целой ковриге за щеку мечет
И целу лебедушку вдруг проглотил.
У моего сударя-батюшки,
Федора, попа ростовского,
Была коровища старая,
Насилу по двору таскалася, —
Забилася на поварню к поварам,
Выпила чан браги пресныя,
От того она лопнула.

Взял за хвост, под гору махнул.
От меня Тугарину то же будет.

Тугарин потемнел, как осенняя ночь,
Выдернул кинжалище булатное,
Бросил в Алешу Поповича.
Алеша на то-то вёрток был,
Не мог Тугарин попасть в него.
Подхватил кинжалище Яким Иванович,
Говорил Алеше Поповичу:
— Сам ли бросаешь в него или мне велишь?

— Нет, я сам не бросаю и тебе не велю!
Заутра с ним перевожусь.
Бьюсь я с ним о велик заклад —
Не о ста рублях, не о тысяче,
А бьюсь о своей буйной голове.

В те поры князя и бояра
Скочили на резвы ноги
И все за Тугарина поруки держат¹:
Князя кладут по сто рублей,
Бояре по пятьдесят, крестьяне по пяти рублей;
Тут же случились гости купеческие —
Три корабля свои подписывают
Под Тугарина Змеевича,
Всякие товары заморские,
Которые стоят на быстром Днепре.
А за Алешу подписывая владыка черниговский.

В те поры Тугарин взвился и вон ушел,
Садился на своего добра коня,
Поднялся на бумажных крыльях по поднебесью летать.

Скочила княгиня Апраксеевна на резвы ноги,
Стала пенять Алеше Поповичу:

¹ «И все за Тугарина поруки держат» — то есть ручаются.

— Деревенщина ты, засельщина!
Не дал посидеть другу милому!

В те поры Алеша не слушался,
Взвился с товарищем и вон пошел,
Садилась на добрых коней,
Поехали ко Сафат-реке,
Поставили белы шатры,
Стали опочив держать,
Коней отпустили в зелены луга.

Тут Алеша всю ночь не спал,
Молился богу со слезами:
— Создай, боже, тучу грозную,
А и тучу-то с градом-дождя.

Алешины молитвы доходчивы —
Дает господь бог тучу с градом-дождя.
Замочило Тугарина крылья бумажные¹,
Падает Тугарин, как собака, на сырú землю.

Приходил Яким Иванович,
Сказал Алеше Поповичу,
Что видел Тугарина на сырой земле.
И скоро Алеша наряжается,
Садился на добра коня,
Взял одну сабельку острую
И поехал к Тугарину Змеевичу.

Увидел Тугарин Змеевич Алешу Поповича,
Заревел зычным голосом:

¹ «Замочило Тугарина крылья бумажные». — Представление о бумажных крыльях Тугарина возникло у сказителя, очевидно, под влиянием бумажных (тканевых) накидок от дождя, какие носили в XVIII веке. Эти накидки были без рукавов, а полы их назывались крыльями.

— Гой еси, Алеша Попович млад!
Хошь ли, я тебя огнем спалю,
Хошь ли, Алеша, конем стопчу,
Али тебя, Алеша, копьем заколю?

Говорил ему Алеша Попович млад:
— Гой ты еси, Тугарин Змеевич млад!
Бился ты со мной о велик заклад
Биться-драться един на́ един,
А за тобою ноне силы — сметы нет.

Оглянется Тугарин назад себя —
В те поры Алеша подскочил, ему голову
срубил.
И пала голова на сырú землю, как пивной
котел.

Алеша скочил со добра коня
И проколол уши у головы Тугарина Змеевича,
И привязал к добру коню,
И привез в Киев-град на княженецкий двор,
Бросил среди двора княженецкого.

И увидел Алешу Владимир-князь,
Повел во светлы гридни,
Сажал за убраны столы;
Тут для Алеши и стол пошел.

Сколько время покушавши,
Говорил Владимир-князь:
— Гой еси, Алеша Попович млад!
Час ты мне свет дал¹.
Пожалуй, ты живи в Киеве,
Служи мне, князю Владимиру,
Дóлюби тебя пожалую.

¹ «Час ты мне свет дал» — то есть теперь, сейчас только Владимир увидел свет, почувствовал свободу, избавившись от Тугарина.

В те поры Алеша Попович млад князя
не ослушался,
Стал служить верой и правдою.

А княгиня говорила Алеше Поповичу:
— Деревенщина ты, засельщина!
Разлучил меня с другом милым,
С молодым Змеем Тугаретином! . .

То старина, то и деяние.

шался,

Сухман

ласкова у князя у Владимира
Было пированьице, почестен пир
На многих князей, на бояр,
На русских могучих богатырей
И на всю поляницу удалую.

Почестный пир идет навеселе.
Все на пиру пьяны-веселы,
Все на пиру порасхвастались:
Глупый хвастает молодой женой,
Безумный хвастает золотой казной,
А умный хвастает старой матерью.

За тем за столом за дубовым
Сидит богатырь Сухмантий Одихмантьевич;
Ничем-то он, мóлодец, не хвастает.

Солнышко Владимир стольно-киевский
По гридне столовой похаживает,
Желтыми кудёрками потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
— Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Что же ты ничем не хвастаешь,
Не ешь, не пьешь, не кушаешь,
Белой лебеди не рушаешь?
Или чара тебе шла не рядóбная,
Или место было не по óтчине,
Или пьяница надсмехался-то?

Воспрогóворит Сухман Одихмантьевич:
— Солнышко Владимир стольно-киевский!
Чара-то мне-ко шла рядóбная,
А и место было по óтчине,
Да и пьяница не насмеялся мне.
Похвастать не похвастать дóбру мóлодцу:
Привезу тебе лебедь белую,
Белу лебедь живьём в руках,
Не ранену лебёдку, не кровавлену.

Тогда Сухмантий Одихмантьевич
Скоро вставал на резвѣ ногѣ,
Приходит из гридни из столовыя
В тую конюшеньку стоялую,
Седлает он своего добрѣ коня,
Взимает палицу воинскую,
Взимает для пути для дороженьки
Одно свое ножище-кинжалище.
Садился Сухмантий на добрѣ коня,
Уезжал Сухмантий ко синю морю,
Ко тóя ко тихия ко заводи.

Как приехал ко первыя тихия заводи —
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утёныши.

Ехал ко другия ко тихия ко заводи —
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утёныши.

Ехал ко третия ко заводи —
У тоя у тихия у заводи
Не плавают ни гуси, ни лебеди,
Ни серые малые утёныши.

Тут-то Сухмантий пораздумался:
«Как поехать мне ко славному городу ко Киеву,
Ко ласкову ко князю ко Владимиру?
Поехать мне — живу не бывать.
А поеду я ко матушке Непрэ-реке!»

Приезжает ко матушке Непрэ-реке.
Матушка Непрэ-река течет не по-старому,
Не по-старому течет, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася.
Стал Сухмантьюшка выпрашивати:
— Что же ты, матушка Непрэ-река,
Что же ты течешь не по-старому,
Не по-старому течешь, не по-прежнему,
А вода с песком помутилася?

Испрогóворит матушка Непрэ-река:
— Как же мне течь было по-старому,
По-старому течь, по-прежнему?
Как за мной, за матушкой Непрóй-рекой,
Стоит сила татарская неверная —
Сорок тысячей татаровей поганных.
Мостят они мосты калиновы;
Днем мостят, а ночью я повырою —
Из сил матушка Непрэ-река повыбилась!

Раздумался Сухмантий Одихмантьевич:
«Не честь-хвала мне молодецкая
Не отведасть силы татарския,
Татарския силы неверныя».
Направил своего добра коня
Через тую матушку Непру-реку:
Его добрый конь перескочил.
Приезжает Сухмантий ко сыру дубу,
Ко сыру дубу кряковисту,
Выдергивал дуб со кореньями,
За вершинку брал, а с комля сок бежал,
И поехал Сухмантьюшка с дубиной.

Напустил он своего добра коня
На тую ли на силу на татарскую,
И начал он дубиной помахивати,
Начал татар поколачивати.
Махнет Сухмантьюшка — улица,
Отмахнет назад — промежуток
И вперед просунет — переулок.
Убил он всех татар поганных.
Бежали три татарина поганных,
Садись под кусточки под ракитовы,
Направили стрелочки калёные.

Приехал Сухмантий Одихмантович
Ко той ко матушке Непре-реке —
Пустили три татарина поганных
Три стрелочки калёные
Во его в бока во белые.
Тут Сухмантий Одихмантьевич
Стрелочки калёные выдергивал,
Совал в раны кровавые листочки маковы,
А трех татаровей поганных
Убил своим ножищем-кинжалищем.

Садился Сухмантий на добра коня,
Приезжал ко городу ко Киеву,

Ко тому двору княженецкому.
Привязал коня ко столбу ко точёному,
Ко тому кольцу золочёному,
Сам бежал во гридню во столовую.

Князь Владимир стольно-киевский
По гридне столовые похаживает,
Желтыми кудёрками потряхивает,
Сам говорит таковы слова:
— Ай же ты, Сухмантий Одихмантьевич!
Привез ли ты мне лебедь белую,
Белу лебедь живьём в руках,
Не ранену лебёдку, не кровавлену?

Говорит Сухмантий Одихмантьевич:
— Солнышко князь стольно-киевский!
Мне, мол, было не до лебёдушки:
А за той за матушкой Непрѡй-рекой
Стояла сила неверная,
Сорок тысячей татаровей поганных.
Шла же эта сила во Киев-град,
Мостила мосточки калиновы.
Они днем мосты мостят,
А матушка Непрѡ-река ночью повыроет.
Напустил я своего добра коня
На тую на силу на татарскую,
Побил всех татар поганных.

Солнышко Владимир стольно-киевский
Приказал своим слугам верным
Взять Сухмантья за белы руки,
Посадить мѡлодца в глубок погрѣб,
А послать Добрынюшку Никитинца
За тую за матушку Непрѡ-реку
Проведать заработки Сухмантьевы.

Седлал Добрыня добра коня,
И поехал мѡлодец в чисто поле.

Приезжает ко матушке Непрё-реке
И видит Добрыня Никитинец:
Побита сила татарская.
И видит дубиночку-вязаиочку
У той реки, разбитую на лозіиоочки.

Привозит дубиоооооу во Киев-град,
Ко ласкову князю ко Владимиру,
Сам говорит таковы слова:
— Правдой хвастал Сухман Одихмантьевич.
За той за матушкой Непро́й-рекой
Есть сила татарская побитая —
Сорок тысячей татаровой поганыих.
И привез я дубиоооооу Сухмантьеву,
На лозіиоооооочки дубиоооооооу облóчкана,
Потянула дубина девяносто пуд!

Говорил Владимир стольно-киевский:
— Ай же слуги мои верные!
Скоро идите в глубок погрéб,
Взимайте Сухмантья Одихмантьевича,
Приводите ко мне на яснѣ очѣ.
Буду его, мóлодца, жаловать-мѣловать
За его услугу за великую
Городами его с пригорóдками,
Или сёлами со присёлками,
Иль бессчётной золотой казной дóлюби.

Приходят его слуги верные
Ко тому ко погребу глубокому,
Сами говорят таковы слова:
— Ай же ты, Сухмантьи Одихмантьевич!
Выходи со погребя глубокого:
Хочет тебя солнышко жаловать,
Хочет тебя солнышко мѣловать
За твою услугу великую. —

Выходил Сухмантий с погреба глубокого
Выходил на дáлече-далéче во чистó поле,
И говорил мóлодец таковы слова:
— Не умел меня солнышко мýловать,
Не умел меня солнышко жаловать.
А теперь не видать меня во ясны́ очí!

Выдергивал листочки маковые
Со тых с ран со кровавых,
Сам Сухмантий приговаривал:
— Потeki Сухман-река
От моей от крови от горючия,
От горючия крови, от напрасныя!

Михайло Данилович

Жак во славном-то городе во Киеве
У ласкова князя у Владимира
Заводилось пированьице, почестен пир.

А и все на пиру да напивались,
А и все на честном да приедались,
Да и все на честном ведь прирасхвастались:
А иной же то хвастал широким двором,
А другой-от-то ведь хвастал золотой казной,
А новóй-от-то хвастал добрым конем,
Да другой-то хвастал силою могучею;
Только глупый-от ведь хвастал молодой женой.

И сидит молодец, да он не пьет, не ест,
А не пьет да он не ест, да он не кушает,
И ничем же мóлодец да ведь не хвастает,
И повесил мóлодец да буйну голову —
Еще нá имя Данила свет Игнатъевич.

Еще это князю Владимиру не показалось.
По сéреду кирпичному он запохáживал,
Да он белыми руками заразвáживал,
Да он желтыми кудрями запотрýживал:
— А что же ты, Данилушка Игнатъевич,
А не пьешь, да не ешь, да ты не кушаешь,
И ничем же ты, Данила, ведь не хвастаешь?

Тогда стал тут Данила на резвý ногý,
Тогда кланялся Владимиру до сырой земли:
— Еще чем мне-ка, Владимир-князь, да ведь хвастати?

И двора-то у меня широкого не было,
Золотой у меня казны ведь не случилось,
А и сила-то была ведь во мне ровная.
Ведь служил я у тебя ведь пятьдесят годов,
Да убил я тебе ведь пятьдесят царёв,
А мелкой силы убил — да той сметы нет.
Теперь от роду мне стало девяносто лет.
Ты пусти-тко, пусти, Владимир, в монастыри пречёстныя

Да во те ли пусти во кельи во низкие,
Да спасти мне-ка, спасти да душу грешную!

А ответ держал Владимир-князь:
— Ой, нельзя, нельзя пустить тебя, Данилушка:
Еще некому делать ведь защиту всему Киеву.

И во второй раз просил Данилушка Игнатъевич:
— Да пусти же ты, Владимир, в монастырь пречёстныя.

Да во те-то ты пусти во кельи низкие,
Да спасти мне-ка, спасти да душу грешную!

Говорил же тут Данила Игнатьевич:
— А и будет-то ограда белокаменной
Да и будет-то защита всему Киеву:
Есть ведь у меня да сын Михайлушка.

И тогда пустил его Владимир в монастырь
Да во тьи-то пустил во кельи низкие. пречёстныя

А узнали тут как те цари неверные,
 Что во Кieve богатыри ушли в монастыри,
 Приходил тогда туда неверный царь,
 Приносил ведь он книгу настольную,
 Еще требует, собака, поединщины.
 Выходил Владимир-князь да на высоко крыльцо,
 Да смотрел Владимир-князь да во все стороны:
 У собаки ведь силы-то в чистом поле
 Будто облако ходячее, нагнѣно.
 И тогда Владимир-князь зачал почестен пир
 Что на всех князей, на всех бояров
 Да на всех полениц-то удалых,
 Еще на весь-то народ да православный.

Дак и все на пиру-то напивались,
Да и все ведь на честном да наедались.
Говорил тогда Владимир-князь в первой након:
— Уж вы ой еси, князья мои бояре,
Да вы ой еси, поленицы да удалые,
Еще весь-то вы народ да православный!
А и кто бы то ведь съездил да в чисто поле
Да пересчитывать силы неверные?

А и в тую пору было, в то время —
Большой ведь хоронится за среднего,

Еще средний-от хоронится за младшего.
А от младшего Владимиру ответа нет.

Говорил ведь Владимир во второй након,
Да и говорил ведь он и во третей након.
А и в тую пору было, в то время —
Выходил тут дородный добрый молодец
Из-за того стола ведь белодубова,
Еще на имя Михайло да Данилович.
Понизёшенько он Владимиру поклоняется,
Помалёшенько ко Владимиру подвигается:
— Ты пусти-тко, пусти, Владимир-князь, в чисто поле
Пересчитывать-то ведь силы неверные.

А ответ таков держал ему Владимир-князь:
— Ой же ты, Михайло да Данилович!
А и возрастом-то ведь ты есть малёшенек,
Да и разумом-то ты же есть глупёшенек,
Тебе от роду, Михайло, те двенадцать лет,
Потеряешь, брат ты Михайло, свою голову.

А и то ведь Михайле да не показалось.
Еще скоро он пошел по сёреды кирпичной,
Широко отворял он двери на пята,
Запирал он тыи двери крепко-накрепко,
А двери-то на щепочки рассыпались,
Да и двери-то ведь те да покололись,
И вся эта палата зашаталась,
Да едва эта палата не разрушилась.
Еще скоро он пошел да на широкий двор,
Да скорее того пошел он к своей матери.
Да седлал да он уздал да лошадь добрую,
И поехал наш Михайло во чисто поле,
В чисто поле поехал, он раздумался,
Что не взял от него благословенья-то полного.

Поворачивал добра коня ко монастырю пречестному
Да ко тем ли да ко кельям низким.

А в тую пору мать сыра́ земля да зазыба́лася,
Старо старчище Данилище засовалося:
— А не мой ли ведь приехал да Михайлушка?
А куда, Михайло, едешь, куда путь держи́шь?

— Еду ведь я, ба́чко, да во чисто́ полё
Пересчитывать-то ведь силы неверные.

Ответ держал старо старчище Данилище:
— Этая-то должность не твоя бы есть,
Не спустил бы я тебя да во чисто́ полё,
И тая заповедь положена тяжелая,
Да и за́става положена великая:
Тебе от роду, Михайло, те двенадцать лет,
Да потеряешь ты, Михайло, свою голову!

А и то ведь как Михайле да не показалось,
Скоро поворачивал добра́ коня́ во чисто́ полё.
И рыкал да старо старчище Данилище гласом

громким:

— Стой-ко ты, Михайло, да удержи коня,
Да возьми-тко от меня благословенье полное.
А поедешь ты, Михайло, во чисто́ полё,
Выедешь ты на шелома́ на окатисто,
А по-русскому — на гору да на высокую,
Да кричи-тко ты, Михайло, во всю голову,
Еще требуй-ко ты Бурушка косматого:
«Ай который же служил ты моему батюшке,
Послужи-тко ты теперь сыну́ Михайлушке!»
Прибежит тут конь да ведь косматыи,
Стоит он на горе да на высокия.
Да отмерь-ко ты, Михайлушка, как пять локотъ
И копай-ко ты, Михайло, мать сыру́ землю,
Да во сторону копай да ты в восточную —
А и тут да сбруя ведь богатырская.

Тогда выехал Михайло на шелома́ окатисто
Да кричал Михайло во всю голову,
Еще требовал он Бурушка косматого:

— Ай который же служил ты моему батюшке,
Послужи-тко ты теперь сыну Михайлушке!

Да отметил тут Михайло как ведь пять локоть,
Да во сторону копал да он восточную,
И копал Михайло да мать сырú землю,
Находил он тут всю сбрую богатырскую,
И тогда уж он поехал во чистó полé.
Забренчала его палица боёвая,
Засвистела его сабля, сабля острая...

Только в тую было пору, в то время —
Добрый конь у Михайла провёщился:
— Бей-ко ты, Михайло, силу с крайчику,
Не заёзжай-кося, Михайло, в силу в ма́тицу¹ —
А и копают тут уланове три погреба²,
А три погреба копают тут глубокие
И становят тут в погреб копыа острые.
Еще первый-от я погреб дак перескочу,
Еще дру́гой-от я погреб ведь перескочу,
А третьего мне-ка погреба не перёскачить.

И бьет Михайло тут коня по тучным бедрам:
— Ах ты конь, мой конь, травяной мешок!
Не хочешь ты послужить мне-ка времени малого!

Да начал коня приправливать во силу
да в ма́тицу:

Первой-то погреб его конь перескочил,
Да и другой-от он погреб ведь перескочил,
А третьего-то погреба не перескочил —
И упал ногами он да задними,

¹ «Не заёзжай-кося, Михайло, в силу в ма́тицу». — Собственно ма́тица — брус посредине избы, на котором держится потолок. Конь богатыря-малолетки не советует ему бросаться в самую гущу, середину, матицу врагов, а советует бить силу с краю.

² «А и копают тут уланове три погреба». — Уланы — во время татарщины ханские чиновники. Позднее улан — конный воин в старой армии. Былины употребляют слово «уланове» в первом, древнем значении.

— Я —
— Я —
— Я —
— Я —

Уронил Михайла он в глубок погреб;
Только не пал тот на копья острые.

Набиралися уланове поганые
Да вязали ведь его за руки белые
Да теми петлями ведь шелковыми
И ковали, ковали да во железа тяжелые,
Ведь резвы ногі ковали Михайловы,
И повели-то его ко царищу ко Уланищу.

Только молится Михайло спасу с богородицей:
— Ты не дай-кося меня поганым на поруганье,
Буду я служить да с века по веку...

А тогда ведь у Михайлы вдвое-трое силы прибыло,
Разорвал он петли-то шелковые
Да сломал железа он тяжелые,
Ухватил он ведь ослядь тележную
И завел ведь он ослядью помахивать:
Как вперед-то он махнет — дак тут-то улица,
А назад-то отмахнет — так переулочек.

И узнала тут его конь-лошадь добрая,
Прибегала со всей сбруей богатырской,
И садился тут Михайло на добра коня,
Заводил он силы пересчитывать.
Пересчитал тут силы с крайчику
Да полонил те силы тут с края на край.
И поехал он к царищу ко Уланищу
И отсек царищу он да буйну голову,
Сам он голове-то удивляется:

— Ведь ушища-то у царища — будто блюдища,
А глазища-то у царища — будто чаши пивные,
А носище-то у царища — будто палица боевая! —
Дак и едет тогда Михайло по чисту полю,

И ходит тут-то старо старчище Данилище
Да со той ли клюкою со железною,
Еще тая-то клюка да сорока пудов,
А старик-от сам ведь приговариват:
— Ой же вы еси, уланове поганые,
А убили у меня вы сына Михайлушка!

Тут приехал сам Михайло близ его,
Да кричал ему он гласом громким:
— Что ты еще, старой, тут-то делаешь?

А ответ держал старо старчище Данилище:
— Ой же ты, улановин поганя! —
Да подвинься-то сюда да ко мне, старому,
Дак рассеку я тя клюкой и с конем надвое!

А скричал Михайло гласом громким,
Еще громким он гласом да ребячиим:
— Стой-кося ты, монах, да удержи коня,
Приздыни-тко ты свой колпак шелкóвыя —
Тогда да увидишь кого надобно!

Приздынул монах колпак шелкóвыя,
Подъезжал тогда Михайло близ его —
Тут, во-первых, опознал своего Бурушка,
Во-вторых, опознал сына Михайлушка.
— Ты куда, Михайло, едешь, куда путь держишь?

— Еду я, бачкó, ведь во Киев-град.
Был же я ведь, бачкó, во несчастии:
Пересчитывал я силы ведь поганые,
В глубоки́ погребá ездил — убит не был...

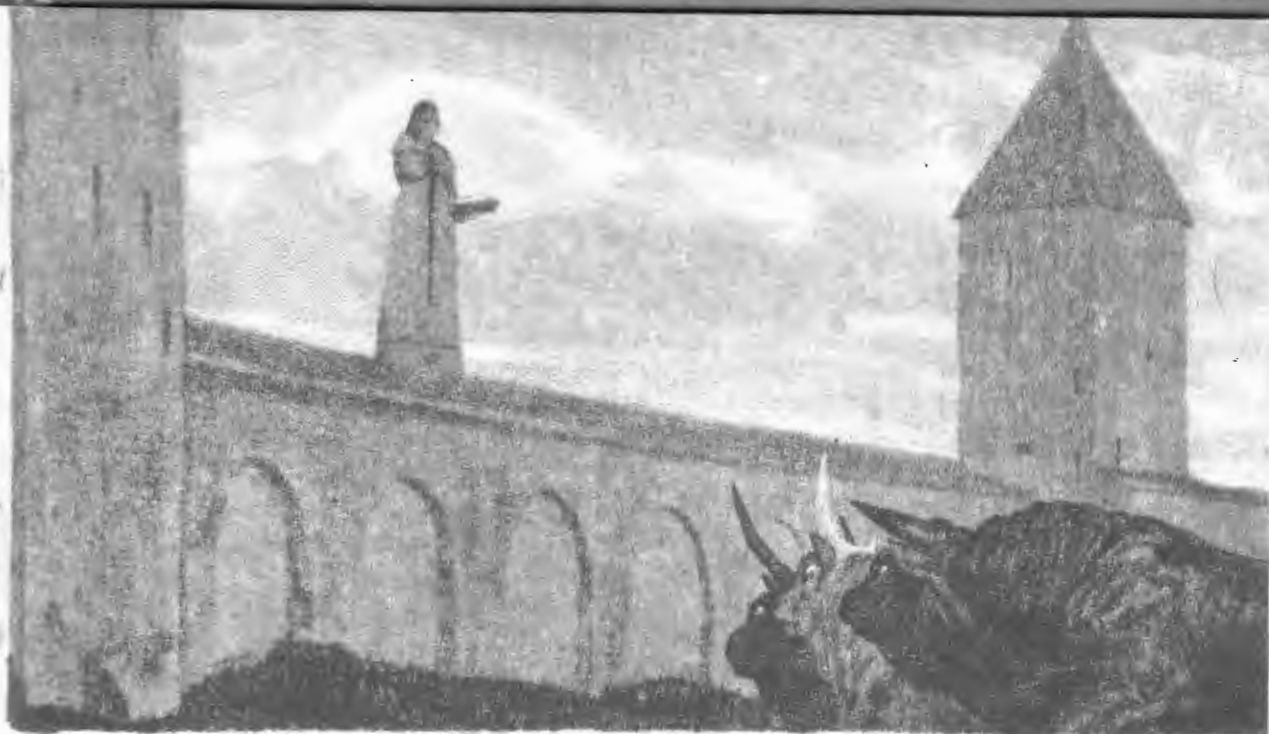
Да поди-тко ты, бачкó, во монастырь пречёстныя
Да моли-тко ты бога по-прежнему,
А сам-от я поеду во Киев-град.

Да во Киев-град заехал не воротами —
Через стену заехал он городóвую,

Через башню он заехал наугольную
И вязал коня к кольцу он золочёному.
Выходил тогда Владимир со Апраксией
И дивились голове-то тут улановой.

Дак тогда уж вот завелся там почестен пир,
Что на всех князей пируха, на бояров
Да на всех и полёниц-то удалых.

Василий Игнатьевич и Батыга

А инь-динь-динь!
Из-под того креста Леванидова
Выходило-выбегало два турá, три турá.
Случилось турáм мимо Киев-град идти,
Они видели над Киевом дивнým-дивнó,
Они видели над Киевом чуднým-чуднó:
Выходила дéвица, слéзно плакала,
Она книгу читала, евангелъе,
А и не столько читала — вдвое плакала.
Соходились туры со рóдной матушкой.

— Здравствуй, турíца рóдна матушка,
Ты здравствуй, турíца златорогая!

А мы шли, туры, да мимо Киев-град,
А й мы видели над Киевом дивным-дивно,
А й видели над Киевом чудным-чудно:
Выходила девица, слёзно плакала,
На руках держит книгу, свято евангелье,
А и не столько читает — вдвое плачет.

— А й вы, глупы туры-то, малы детушки!
Не девица выходила, слёзно плакала,
А й не книгу читала, не евангелье —
Тут плакала стена городовая,
Она сведала над Киевом невзгодушку:
Наехал князь Батыга Батыгович
Со своим со сыном со Батыгою,
Со зятем Тараканчиком Карабликовым,
Со тем дьячком со выдумщиком¹.
У Батыгушки силы сорок тысячей,
А у сынушка силы сорок тысячей,
А у зятюшка силы сорок тысячей,
У дьячка ль было силы сорок тысячей.

Просит Батыга от Киева,
Просит Батыга супротивника,
Просит Батыга поединщика:
— Владимир-князь стольно-киевский!
Дай-ко мне-ко супротивника,
Дай-ко мне поединщика,
Чтобы со мной, с Батыгой, поправиться.

Да несчастье во Киеве случилось,
Что да лучших богатырей не сгодилося:
Святогор-богатырь на Святых на горах,
А Илья да Самсон у синего у моря,
Добрынюшка Никитич во чистых во полях,
А Алеша-богомол в богомольной стороне.

¹ «Со тем дьячком со выдумщиком». — Дьяк — в древней Руси княжеский писец; в XIV—XVII веках — высшее должностное лицо. Здесь слово «дьячок» (дьяк) употреблено в значении: советчик хана.

Жил-то был голь кабацкая,
Пропил-промотал все житье-бытье свое,
А идет-то он ко Владимиру на двор,
Крест кладет-то по-писаному,
А поклоны ведет по-ученому —
На все на три, на четыре на стороны,
Князю Владимиру в особину:
— Здравствуй, Владимир стольно-киевский!
Опохмель-ко Василья чарой пьяною.
У Васи с похмелья буйна голова болит,
У Василья ретивое сердце щемит!

Приказал князь Владимир стольно-киевский
Наливать ему чару зеленого вина,
Другу наливать пива пьяного,
Третью наливать меда сладкого —
Становилось питья полпята пуда,
Становилось питья полтора ведра.

Принимал тут Василий единою рукой,
Выпил Василий единым духом,
Сам он, Василий, слово вымолвил:
— Я теперь могу на своем коне сидеть,
Я теперь могу своей саблей владеть —
Которая сабля во сорок пуд.

Взимал-выбирал да коня доброго,
Шёлковую уздицу налагал на него,
На косматого коня войлок накидывал,
А двенадцать подпруг он подтягивал
Не для-ради красы-басы-угожества —
Для ради укрепы богатырския;
Булат не гнется, не ломится,
Шелковы подпруги не обрвутся.
Тугие луки по бокам метал,
Каленую стрелу во колчан он клал,
Шёлков он повод в белые руки брал,
Шпорами коня он потыкивал.

Конь его добрый поскакивал
За ту за стену городовую
И за ту за башню заугольную.

Поехал Василий на чистó на полé,
Видит Батыгу на чистóм на полé.
Натягáл Василий калёный лук,
Стрелку вынимал с подзолоточки,
Стрелил по головам что не лучшеньким —
Убил сына Батыгу Батыговича,
Убил зятя Тараканчика Карабликова,
Убил чёрна дьячка он выдумщика.

У Батыги ведь кони хорошие,
У Батыги ведь кони снарядные —
Посылает Батыга скорых гонцов,
Скорых гонцов в славен Киев-град.
Киев-град — он не малый есть:
Соколу лететь — не поймать его,
Маленькой птице натешиться —
Виноватого во Киеве не взыскати.

Едет Василий ко Батыге налицо
На своем коне он на добром
И на том седле на окованном.
Реки-озера между ног пускал,
Синие моря он около скакал,
На горы высоки выскакивал.
Хвост по земле расстиляется,
Грива под копыта подвигается,
Огненный пламень вымахивает.
Тем луком калёным выстреливает,
Острым копьем он помахивает.
От того копья как от острого,
От той от палицы военныя
На Батыгу страх да уклоняется,
Стоит он, Батыга, удивляется.
Сколько было как выезживано,
На таком было страхе не стаивано.

Как едет от города от Киева,
От того от князя от Владимира,
Едет богатырь удалый мóлодец,
Сам он собой тут не хвастает,
Только страшно стоять-то на чистóм на полé.

Приехал Василий ко Батыге налицо:
— Здравствуй, Батыга Батыгович,
Со своим со сыном со Батыгою,
Со зятем Тараканом Карабликовым!

Ответ держит тот Батыга нынь:
— Нету сына Батыги Батыговича,
Нету зятя Таракана Карабликова,
Нету чёрна дьячка как выдумщичка.

Ответ держал Василий ко Батыге нынь:
— Прости-ко меня во первóй нынь вине,
Во пёрвой вине прости во великия!
Я убил у тебя сына Батыгу нынь,
Убил зятя Таракана Карабликова,
Убил чёрна дьячка я выдумщичка.
За свою за вину за великую
Я могу послужить как, Батыга, тебе.
Дай-ко мне силы сорок тысячей —
Я поеду ко городу ко Киеву,
А ко ласкову князю ко Владимиру,
А мы Киев-град да мы огнем пожжем,
А Владимира мы во полон возьмем!

А на те лясý Батыга приукíнулся,
Дал ему силы сорок тысячей.
Выехал Василий на чистó полé,
Поворот держал на ручку на правую,
Присёк-прирубил до одной головы.

Скоро едет Василий ко Батыге налицо:
— Прости-ко, Батыга, во другой вине,
Во другой вине ты меня великия!

Потерял я силы сорок тысячей.
Нынѣ я в городе повысмотрел,
Нынѣ я во Кіеве повыглядел,
Где стоят воротца отложенные.
Прямо нынѣ мы поедѣм ко Кіеву,
Только дай мнѣ-ко силы сорок тысячей.

Он поѣхал со тою-то со силою,
Поворот держал на ручку на правую,
Палицей бьет он военною,
Копьем он бьет да долгомерным —
Не оставил Василий ни единой головы.

Приѣхал Василий ко Батыге налицо,
Челом ему бил и поклоняется:
— Я еще ведь во городе все высмотрел,
Я нынѣ же, Батыга, постую за тебя.

Дал ему силы сорок тысячей,
Сорок сороков все черных соболей,
Злата-серебра ему — сметы нет.
Повыехал Василий на чисто на поле,
Едет ко Кіеву со радостью —
Всю он силу ведь саблей рубит.

Натягал Батыга ведь трубочку,
Трубочку натягивал подзорную,
Глядит он во славно во чисто поле
Ко тому ли ко городу ко Кіеву,
Ко тому ли ко князю Владимиру,
На тый поля-то он на чистые,
На те луга на зеленые,
На те на травы на шелковые.
Видит — дело нехорошее.

Сбирается Батыга на добрых коней,
Поезжает Батыга во свою скоро землю,
Во тую во землю во неверную,
Клянется Батыга, проклиняется:

— Не дай мне нынѣ под Киевом бывать,
Не могу я теперь про Киев рассказать!
Золотú казну я истратил всю,
Киев-град — он не малый есть,
Во Киеве богатырей сметы нет!
Что да лучшие богатыри во Киеве,
Золотá казна-то — во Чернигове,
Цвѣтно платье — в Нове-городе,
Хлебны запасы — Смоленца-городка.

Поехал Батыга он от Киева.
День он, ночь удаляется
От того ли от города от Киева,
От того ли князя от Владимира.

Увидел Василий Игнатьев сын —
Разгорелось его сердце богатырское,
Раскипелась его кровь молодецкая,
Сам он говорит таковы слова:
— Не поеду ко городу ко Киеву,
Ко тому князю к Владимиру —
Поеду в сугон да в следы Батыевы.
Пусть он, Батыга, не хвастает,
Со мной, с богатырем, нынѣ повидается.
Я поеду ведь нынѣ да спрошу его:
«Что тебе, Батыге, не слюбилося?
Ты поехал ведь нынѣ как от Киева,
Да поехал ты, не простился нынѣ
С тем ли с городом со Киевом?»

Это тут Батыге не слюбилося.
Обнажил он, Батыга, саблю острую
На того ли на Василья на Игнатьевича.
Взял он тут, как Василий нынѣ,
А й наехал Василий с саблей вострою,
Отсѣк-то Василий буйну голову
А неверному Батыге по кореню.

А упал-то Батыга с коня доброго
На тую на матушку сырú землú,
А на ту он на муравú-траву.

Отъезжает Василий от Батыги нынь,
Прирубил-прикосил последню силу тут.
Поехал Василий он ко Киеву,
Ко тому ко князю Владимиру.

Кричал он, Василий, на поле на том,
На поле на том как на чистом:
— Прикажи-тко, Владимир стольно-киевский,
Отпереть мне ворота широкие,
Заехать на коне мне-ко на добром
За тую стену городóвую,
За тую за башню угольную!

Отворили ворота широко ему.
Заезжает Василий на коне добром,
Сходит-слезает с коня доброго,
Сам он привязывает коня как тут
Ко тому столбу он точёному,
Насыпает пшены белояровой.
Заходит он во палату белокаменную,
Крест кладет по-писáному,
Поклоны ведет-то по-ученому.

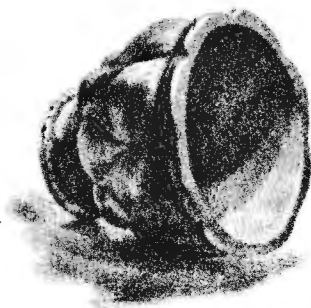
Говорит Владимир таковы слова:
— Ах же слуги мои верные,
Слуги вы мои княженецкие!
Допросите Василья вы как нынечу,
Каково он ездил во чистóм полé.

Как спросили его слуги верные,
Тыи слуги княженецкие:
— Каково ты ездил во чистóм полé?

Взговорит Василий таковы слова:
— Вся сила ведь воспорúблена,
Славны богáтыри привыбиты.

Как завел тут князь как Владимир нынъ
Для того война для главного,
Завел он пир как на двенадцать дён.
А на том на пиру княженецком
А сидят там все князи-бояра,
А все говорят таковы слова:
— Ах же Василий Игнатьев сын!
Ведь все ли богатыри разъехались,
А хоть ты нынъ съездил на чистó полé,
Постоял ты, Василий, за Киев-град,
За того князя за Владимира.

И на том ли пиру все расходятся,
И пир тот весь да нынъ кончается.

С Л О Ж А Р Ы
с т а р и н н ы х
и м е с т н ы х
с л о в

А ж н о — даже, между тем, в самом деле.

А л а б ы ш (алябыш) — пирожок, пышка, оладья; а л а б ы ш д а т ь (иронич.) — ударить, дать оплеуху.

Б а з ы г а — ругательство, то же, что «старый хрыч».

Б а ч к о — отец, батюшка.

Б е л о ъ р о в — светлый, отборный; в былинах постоянный эпитет пшена и пшеницы, означающий высокое качество.

Б р ы н с к и е — брянские.

Б у л а в и ц а — булава, один из древнейших видов ударного оружия. Состояла из металлической головки, укрепленной на коротком древке; служила для поражения защищенной шлемом головы воина. Позднее булава служила символом власти.

Б у р з а м е ц к и й, м у р з а м е ц к и й — восточный.

Б ы л и ц а — гадалка на травах.

В а л ь я ч н ы й, в а л ь я ж н ы й — резной, точеный, крепкий.
В о д к о м — на поводу.
В ы р у т и т ь — выбросить, сбросить, уронить.
В ы т ь — еда, порция еды, переменные блюда на званом обеде.

Г р и д н я — покой, комната при княжеском дворе для гридней — княжеских воинов; позднее гридней стали называть покои, в которых князя принимали гостей.

Д о л ю б и — вдоволь, сколько угодно.

Ж а л о б а — помимо прямого смысла, в значении: награда.
Ж и в о т — жизнь, имущество, богатство, любимый человек.

З а в о д ь — залив; защищенное от ветра, обычно заросшее тростником место реки.

З а з ы б а т ь с я — заколыхаться.

З а к о л о д е т ь — завалиться колодами, упавшими деревьями, а также замерзнуть.

З а м у р а в е т ь — зарости муравой, травой.

З а п о х а ж и в а т ь — начать ходить взад и вперед, заходить.

З а с ь в а т ь с я — засуетиться.

З е л е н о в и н о — хлебное вино, водка.

З о б а т ь, з о б л и т ь — торопливо есть, глотать, есть что-нибудь рассыпающееся.

И з о т ч и н а — отчество, отцовское имя.

И м а т ь с я — браться.

И с к о п ы т ь — след лошадиного копыта в земле, ком грязи или земли, выбрасываемый лошастью из-под копыт во время бега.

И с п р о в е щ а т ь с я — подать голос, заговорить.

К а л и к а — странник, паломник, ходивший в места, почитаемые христианами. Свое название калика получил от обуви к а л и г и, в которой совершалось паломничество.

Кéлья — комната инока (монаха); маленькая крестьянская избенка.

Кóрзни — корни дерева.

Косíца — висок, бровь.

Косящатый (косивчатый) — с косяками, сделанный из дощатых косяков.

Крестовые братья — названные братья, поменявшиеся настоятельными крестами.

Кряковíстый — кряжистый (о дереве).

Куревá, куревка — метель, буран, вихрь со снегом, дым; в переносном значении — пыль, поднятая копытами стремительно бегущего коня.

Личико (у лаптей) — верхняя передняя часть, носки, головки.

Лóжня — спальная комната.

Локоть — старинная мера длины: расстояние от локтевого сгиба до конца среднего пальца — четырнадцать вершков, около шестидесяти сантиметров.

Лохáлице — лохань; в переносном значении — пасть.

Лясы — здесь: обещание, обман.

Матерéть — входить в года, становиться матерым, большим и сильным.

Мáтица — центр, середина, средняя балка поперек потолка в крестьянской избе.

Межéнный (от слова «межень») — середина по протяженности или времени, всякое среднее состояние; середина лета, дня и т. п.

Меженный день — самый долгий день лета.

Мост — пол в избе; пол в сенях, разделяющих переднюю избу (зимнюю) от задней (летней).

Мурза́мецкий (от слова «мурза») — восточного происхождения, восточный, татарский.

На дым спустить — сжечь.

Нажа́дётся — почувствовать жажду.

Накóн — раз, прием, черед: в первый након — в первый раз.

Напять — наотмашь, широко, во весь размах (о двери, воротах).

Нунь, нынь, нунечку — ныне, теперь.

Обжи — оглобли сохи.

Облочкáть — расщепить, расшибить.

Ободвѣрина — притолока, или косяк, у двери.
 Окóленка — оконная рама.
 Омѣх, омѣшек — сошник, лемех, заостренный наконечник сохи.
 Опочѣив держать — спать.
 Орáтай, ратай — пахарь, землешец.
 Орáть — пахать или взрывать землю для посева сохой, плугом.
 Ослáдь, óследь — слега, бревно, лес, годный на бревна.
 Остáвиш — человек, оставленный в пути.
 Очѣсливый — вежливый, учтивый, обходительный.

Пабѣдьѣ (паобедье) — время около пабеда, второго завтрака, полдня, полдника.

Пáробок — слуга.

Пестрядѣнная — грубая льняная ткаль (обычно с синими полосами).

Пехотой — пешком.

Повы́здынуть — поднять.

Подколенные князья — младшие по положению, подчиненные столбному князю.

Подлыгáться — лгать.

Показáться — понравиться, прийтись по сердцу.

Поклáпый — кривой, наклоненный в одну сторону.

Полени́ца (поляница) — богатырь, ездящий по полю и охраняющий рубежи своей страны; женщина-богатырка.

Полóн — плен.

Порóшá — первый снег по осени, пушистый, рыхлый снег, идущий в безветрие и ровно покрывающий землю.

Потя́пыш дaть — ударить ладонью, шлепнуть.

Приужáхнуться — ужаснуться.

Ретивый — страстный, горячий.

Рúшaть — делить, резать (о пище); разделявать птицу.

Рядóбная чaра — чара, передаваемая по очереди, по порядку.

Сверстаться — ставиться.

Сéльга — вырубленный лес, поруб, росчисть, мелкий лиственный лес.

Середá — пол-середа: место перед печью; пол в этом месте стелется поперек остального пола.

Скáтный (скачен) жемчуг — крупный, круглый, лучший сорт жемчуга.

Смéта — счет.
Слeгá, сляга — жердь, тонкое бревно.
Солóвый — желтоватый, со светлым хвостом и гривой (о лошадях).
Ступь — идти ступою, самой тихой походкой, едва переступая.
Сугóн (сугона) — погоня.
Сыть — пища, еда.

Тесовнй — из теса, то есть тонких досок. В старину доски не пилились, а тесались из расколотого бревна.
Туля́ться, тулиться — прятаться, уклоняться от дела.

Увёркнуться — оглянуться.

Ха́йлище — пасть.
Ха́мкать — лаять по-собачьи.
Хорони́ться — прятаться.

Ча́до — дитя, ребенок.
Чебура́цкий свинец — то же, что и чебурак, — тяжелая свинцовая гиля, привешенная на ремень, конец лямки; чебурахнуть — ударить, опрокинуть, грохнуть, оглушить.
Червлёный (черлeный) — красный.
Черка́ское, черка́льское (седло) — черкесское, восточное.

Шалы́га — плеть, кнут.
Шелепúга — то же, что и шалыга. Иногда на конце плети для увеличения ударной силы влетался металлический наконечник. Шелепуга — оружие одиночного человека, на вооружении войск она не была.
Шелóм — холм, а также шлем.
Шемаханский — из города Шемахи (на Кавказе), известного в средние века изготовлением шелка.
Ширинка — полотенце, полотнище.

Шётки (у коня) — пучок волос над копытным сгибом.

Яловица — телка, молодая корова, трехлетка.

УКАЗАТЕЛЬ

ИСТОЧНИКОВ

ПУБЛИКУЕМЫХ

ТЕКСТОВ

1. СВЯТОГОР И ТЯГА ЗЕМНАЯ. П. Н. Рыбников, Песни, изд. 2-е, 1909, т. I, № 51. Прозаический пересказ былины, записанный от Л. Богданова с Онежского озера. Печатается отрывок пересказа (из опубликованного в сб. Рыбникова текста выделен только эпизод с тягой земной, стр. 320—321).
2. ВОЛЬГА И МИКУЛА СЕЛЯНИНОВИЧ. А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, т. II, № 156. Былина записана в 1871 году от И. А. Касьянова из села Космозера на Онежском озере (район Кижей). Текст печатается с небольшими купюрами.
3. ИСЦЕЛЕНИЕ ИЛЬИ МУРОМЦА. Летописи Государственного Литературного музея, кн. 13, Онежские былины. Подбор былин и научная редакция текстов академика Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. И. Чичерова. М., 1948, изд. Гос. Литературного музея, № 70. Былина записана от П. Е. Мирнова из деревни Семеново на реке Шале (Водле), в районе Пудогги (теперь Пудожский район, Карельской АССР). Перепечатывается только первая часть сводной былины (вторая половина содержит сюжет встречи и победы Ильи Муромца над Соловьем Разбойником).

4. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОЛОВЕЙ РАЗБОЙНИК. А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, т. II, № 74. Былина записана в 1871 году от знаменитого сказителя Т. Г. Рябина из деревни Серёдка на Онежском озере.
5. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СВЯТОГОР. Г. Н. Парилова и А. Д. Саймонов, «Былины Пудожского края» № 4. Былина записана в 1938 году от талантливой сказительницы А. И. Пашковой из деревни Ярчевой Пудожского района Карельской АССР.
6. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И СОКОЛЬНИК. Ю. М. Соколов и В. И. Чичеров, Онежские былины, М., 1948, № 175. Былина записана от сказителя М. П. Широкова, крестьянина деревни Казна-Наволоч, Карельской АССР.
7. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И КАЛИН-ЦАРЬ. А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, т. II, № 75. Былина записана от того же знаменитого сказителя Т. Г. Рябина, что и былина об Илье и Соловье Разбойнике. Текст печатается с купюрами (исключены повторения речи Ильи).
8. ПОЕЗДКИ ИЛЬИ МУРОМЦА. *Оттуда же*, т. III, № 221. Былина записана в 1871 году от талантливого сказителя И. П. Сивцева-Поромского из деревни Поромское на Кенозере. Текст печатается с исключением описания третьей поездки, которая для этой былины не характерна и почти никогда не исполняется сказителями.
9. ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ИДОЛИЩЕ ПОГАННОЕ. *Оттуда же*, т. I, № 48. Былина записана от Н. Прохорова из деревни Бураковой в Пудоге.
10. ССОРА ИЛЬИ МУРОМЦА С КНЯЗЕМ ВЛАДИМИРОМ. *Оттуда же*, т. I, № 47. Былина записана в 1871 году от Н. Прохорова из деревни Бураковой в Пудоге.
11. ДОБРЫНЯ И ЗМЕЙ. *Оттуда же*, т. II, № 148. Былина записана в 1871 году от А. Е. Чукова из деревни Горка в Пудоге. Текст печатается с небольшими купюрами.
12. АЛЕША ПОПОВИЧ И ТУГАРИН ЗМЕЕВИЧ. Данилов Кириш. Древние российские стихотворения, собранные Киришей Даниловым, изд. Академии наук СССР, М. — Л., 1958, № 20. Текст печатается с небольшими купюрами.
13. СУХМАН. П. Н. Рыбников, Песни, изд. 2-е, М., 1910, т. II, № 148. Былина записана в середине XIX века от шестидесятилетнего лодочника на реке Шале в районе Пудогы (по-видимому, от П. Т. Антонова из деревни Гагарки).
14. МИХАЙЛО ДАНИЛОВИЧ. Песни, собранные П. В. Киреевским (старая серия), изд. 2-е, вып. 3., М., 1878, стр. 41—51. Былина записана в первой половине XIX века от И. Пахомова с реки Онеги.

15. **ВАСИЛИЙ ИГНАТЬЕВИЧ И БАТЫГА.** *А. Ф. Гильфердинг, Онежские былины, т. I, № 66. Былина записана от П. Т. Антонова из деревни Гагарки Шальского погоста в районе Пудоги.*

ОСНОВНЫЕ СБОРНИКИ БЫЛИН

- А. Ф. ГИЛЬФЕРДИНГ,** Онежские былины, т. I—III, М.—Л., 1938—1949, изд. 3-е; 1949—1951, изд. 4-е.
- А. Д. ГРИГОРЬЕВ,** Архангельские былины и исторические песни, т. I, М., 1904; т. III, П., 1906.
- Древние российские стихотворения, собранные Киршей Даниловым,** изд. 1-е, М., 1804; изд. 2-е, М., 1818; изд. Публичной библиотеки под редакцией Шеффера, П., 1901; Изд-во Академии наук СССР, М.—Л., 1958.
- П. В. КИРЕЕВСКИЙ,** Песни, собранные П. В. Киреевским (старая серия), вып. I—X, под редакцией П. А. Бессонова, М., 1862—1874.
- Летописи Государственного Литературного музея, кн. 13 «Онежские былины».** Подбор былин и научная редакция текстов академика Ю. М. Соколова. Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. И. Чичерова, изд. Гос. Литературного музея, М., 1948.
- А. В. МАРКОВ,** Беломорские былины, М., 1901.
- А. В. МАРКОВ, А. Л. МАСЛОВ, В. А. БОГОСЛОВСКИЙ,** Материалы, собранные в Архангельской губернии летом 1901 г., Труды Музыкально-этнографической комиссии, т. II, № 8, М., 1911.
- В. Ф. МИЛЛЕР,** Былины новой и недавней записи, М. 1908.
- В. Ф. МИЛЛЕР И Н. С. ТИХОНРАВОВ,** Русские былины старой и новой записи, М., 1894.
- Н. Е. ОНЧУКОВ,** Печорские былины, П., 1904.
- П. Н. РЫБНИКОВ,** Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 1-е, 1861—1867; изд. 2-е, под редакцией А. Е. Грузинского, М., 1909—1911.
- Б. и Ю. СОКОЛОВЫ,** Сказки и песни Белозерского края, М., 1915.

* СОДЕРЖАНИЕ *

В. Чичеров. Героические былины русского народа 5

БЫЛИНЫ

Святогор и тяга земная	23
Вольга и Микюла Селянинович	24
Исцеление Ильи Муромца	32
Илья Муромец и Словей Разбойник	38
Илья Муромец и Егор-Святогор	49
Илья Муромец и Сокольник	56
Илья Муромец и Змий-царь	67
Поездки Ильи Муромца	86
Илья Муромец и Идолище Погоное	92
Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром	102
Добрыня и Змей	108
Алеша Попович и Тугарин Змиевич	118
Сухман	131
Михайло Данилович	139
Василий Игнатьевич и Батыга	149
Словарь старинных и местных слов	159
Указатель источников публикуемых текстов	164
Основные сборники былин	166

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

Для восьмилетней и средней
школы

ГЕРОИЧЕСКИЕ ВЫЛИНЫ

Ответственный редактор *Б. В. Лунин.*

Художественно-графическое оформление

С. Телингатера

Художественный редактор *Б. А. Дехтерев.*

Технический редактор *З. В. Тишина.*

Корректор

С. А. Ведешина и К. П. Тягельская.

Сдано в набор 8/II 1962 г. Подписано к печати
30/VII 1962 г. Формат 70×90¹/₁₆ — 10,5 печ. л.
= 12,29 усл. печ. л. (9,87 уч.-изд. л.). Тираж
100 000 экз. (1—50 000 экз.) ТП 1962 № 198.

Цена 40 коп.

Детгиз, Москва, М. Черкасский пер., 1.

2-я фабрика детской книги Детгиза
Министерства просвещения РСФСР.
Ленинград, 2-я Советская, 7.
Заявка № 543.

40 коп